Ѳ. МАТВѢЕВЪ.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦІЯ, КАКЪ ОСНОВА ОБРАЗОВАНІЯ.

Изъ журнала «Русская Школа», №№ 2 и 3, февраль и мартъ 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Ѳ. МАТВѢЕВЪ.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦІЯ, КАКЪ ОСНОВА ОБРАЗОВАНІЯ.

Изъ журнала «Русская Школа», №№ 2 и 3, февраль и мартъ 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Индивидуализація, какъ основа образованія.

I.

По мѣрѣ накопленія опытовъ и наблюденій надъ природою человѣка, съ развитіемъ естественныхъ наукъ и научной психологіи, взглядъ на воспитаніе постепенно измѣняется.

Было время, когда все сводилось къ пріобрѣтенію знаній: въ знаніи видѣли альфу и омегу воспитанія. Было время, когда педагоги предавались утопіямъ и мечтали воспитаніемъ преобразовать природу человѣка, полагая, что «ребенокъ, словно воскъ, можетъ въ рукахъ наставника принять всякую форму». Въ настоящее время педагогика понизила свою самоувѣренность, она скромно отводитъ себѣ второе мѣсто въ дѣлѣ воспитанія, она сознала, что *главная сила не въ ней, а въ объектѣ воспитанія*, и что ея роль заключается въ томъ, чтобы споспѣшествовать естественному развитію воспитанника, отстраняя лишь отъ него все ложное и привитое извнѣ, что мѣшаетъ его духовному росту. Современная педагогика ясно сознаетъ, что ученикъ больше всего можетъ найти *въ самомъ себѣ* средствъ къ своему усовершенствованію и потому ставитъ своей цѣлью—*пробужденіе и развитіе въ воспитанникѣ тѣхъ силъ, тѣхъ стремленій, которыя ближе всего къ его природѣ, пробужденіе и развитіе индивидуальныхъ силъ.*

Еще Амосъ Коменскій въ своей «Великой дидактикѣ» не разъ возставалъ противъ того, что школа подводитъ всѣхъ учениковъ подъ одну рамку и тѣмъ самымъ обезличиваетъ ихъ. Заставляя учить «всѣхъ всему», Коменскій въ то-же время рѣшительно настаиваетъ на уваженіи къ *индивидуальнымъ* способностямъ и наклонностямъ каждаго ученика. «Учитель есть слуга природы—говоритъ онъ,—пусть учитель не принуждаетъ насильственно, когда видитъ, что кто-нибудь изъ учениковъ принимается за что-либо безъ всякой къ тому способности. Пусть каждый безпрепятственно приступаетъ къ тому, къ чему влечетъ его естественное стремленіе, и современемъ,

будучи на своемъ мѣстѣ, онъ съ большей пользой послужитъ Богу и человѣческому обществу».

«Въ каждомъ человѣкѣ, —говоритъ Карлейль въ своемъ превосходномъ трудѣ «Герои и героическое въ исторіи», — заложено неискоренимое стремленіе развиваться въ полную мѣру силъ, данныхъ ему природою; стремленіе выказывать во внѣ и осуществлять во внѣ все, чѣмъ надѣлила его природа. Стремленіе — справедливое, естественное, неизбѣжное; мало того—обязанность человѣка. Весь смыслъ человѣческой жизни здѣсь, на землѣ, можно сказать, состоитъ въ томъ, чтобы развивать свое «я», дѣлать то, къ чему человѣкъ чувствуетъ себя пригоднымъ. Таковъ—основной законъ нашего существованія, сама необходимость».

Этотъ законъ подтверждаютъ всѣ біографіи и автобіографіи выдающихся представителей науки, литературы и искусства, что мы въ свое время и докажемъ. «Всѣ ищутъ счастья,—говоритъ Писаревъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ, — но истинное счастье человѣкъ можетъ найти лишь тогда, когда станетъ самимъ собою, когда найдетъ возможность свободно проявлять свои мысли и чувства и опредѣлитъ влеченіе своей природы». Къ сожалѣнію, въ развитіи индивидуальности не мало преградъ ставитъ сама жизнь. «*Я родился художникомъ* *),— говоритъ гр. А. К. Толстой въ частной перепискѣ, — но всѣ обстоятельства и вся моя жизнь до сихъ поръ противились тому, чтобы я сдѣлался *вполнѣ* художникомъ. Я не вижу, отчего съ людьми не было-бы того-же самаго, что и съ матеріалами. Одинъ матеріалъ годенъ для постройки домовъ, другой—для дѣланія бутылокъ, третій — для издѣлія одеждъ, четвертый—для колоколовъ... Но у насъ — камень или стекло, ткань или металлъ—всѣ полѣзай въ одну форму—въ служебную!.. Иной и влѣзетъ, а у другого или ноги длинны, или голова велика—и хотѣлъ-бы, да не впихать. И выходитъ изъ него чортъ знаетъ что такое».

«Это люди или безполезные, или вредные, но они сходятъ за людей, отплатившихъ свой долгъ отечеству,—и въ этихъ случаяхъ принята фраза: «Надобно, чтобы каждый приносилъ по мѣрѣ силъ своихъ пользу государству».

«Съ ранняго дѣтства я чувствовалъ влеченіе къ художеству и ощущалъ инстиктивное отвращеніе къ «чиновизму» и къ «капрализму». Я не зналъ, какъ это дѣлается, но, большею частью, все, что я чувствую, я чувствую художественно. Я рожденъ художникомъ не только для литературы, но и для пластическихъ искусствъ. Хотя я самъ ничего не могу сдѣлать какъ живописецъ, но я чувствую

*) «Вѣстникъ Европы», за 1897 г. апр. м.

и понимаю живопись и скульптуру также. Часто я самъ себѣ говорю, смотря на картину: «Господи, если-бы я могъ это сдѣлать... Насколько-бы я еще лучше сдѣлалъ. Музыка одна для меня недоступна; это—великолѣпный край, который я вижу издали, который я отгадываю и вокругъ котораго я хожу, но не могу взойти въ него».

Въ другомъ мѣстѣ гр. А. К. Толстой говоритъ въ той-же перепискѣ: «Мнѣ было 13 лѣтъ, и мы были въ Италіи. Ты не можешь себѣ представить, съ какою жадностью и съ какимъ чутьемъ я набрасывался *на всѣ произведенія искусства*. Въ очень короткое время я научился отличать прекрасное отъ посредственнаго, я выучилъ имена всѣхъ живописцевъ, всѣхъ скульпторовъ и немного изъ ихъ біографій, и я почти что могъ соревновать съ знатоками въ оцѣнкѣ картинъ и изваяній. *Не зная еще никакихъ интересовъ жизни, которые впослѣдствіи наполнили ее хорошо или дурно, я сосредоточилъ всѣ свои мысли и всѣ свои чувства на любви къ искусству*. Эта любовь превратилась во мнѣ въ сильную и исключительную страсть».

Съ развитіемъ жизни, съ развитіемъ наукъ, принципъ индивидуальности въ воспитаніи все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ права гражданства, и для учащейся молодежи представляется все болѣе широкій просторъ въ выборѣ школъ соотвѣтственно призванію каждаго. Правительство, открывая разнаго типа школы,—техническія, земледѣльческія, коммерческія и др., и побуждая общество къ открытію профессіональныхъ школъ, идетъ тѣмъ самымъ на встрѣчу индивидуальному развитію молодыхъ силъ, такъ какъ даетъ больше возможности проявляться стремленіямъ и наклонностямъ каждаго индивидуума. Перегородки кастовыя и сословныя все болѣе утрачиваютъ свое первоначальное значеніе и начинаютъ отходить въ область исторіи; на арену жизни все болѣе и болѣе выступаетъ *человѣкъ* съ правами на всестороннее, гармоническое развитіе своихъ духовныхъ и физическихъ силъ—въ примѣненіи, однакожъ, къ его индивидуальнымъ особенностямъ.

Пробужденіе въ душѣ воспитанника свойственныхъ ему стремленій, которыя должны затѣмъ одушевлять всю его послѣдующую жизнь,—вотъ къ какой цѣли должно стремиться воспитаніе и въ чемъ многіе видятъ даже залогъ истиннаго счастья. Пріобрѣтеніе знаній и формальное умственное развитіе являются лишь необходимыми ступенями достиженія вышеозначенной цѣли. Короче говоря, конечная цѣль воспитанія—пробужденіе и развитіе индивидуальныхъ силъ воспитанника.

Воспитаніе имѣетъ дѣло *съ живымъ* человѣкомъ, а слѣдовательно, далеко несовершеннымъ. Въ силу наслѣдственности, въ каждомъ

*

воспитанникѣ однѣ способности болѣе восприимчивы, болѣе поддаются развитію, другія — менѣе, а иныя почти совсѣмъ не поддаются никакому вліянію. Современное воспитаніе должно ставить себѣ задачею—развитіе тѣхъ способностей, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ природѣ воспитанника безъ всякаго насилія надъ духовной природой ребенка. Вотъ къ чему сводится въ настоящее время вопросъ о воспитаніи въ теоріи. На практикѣ дѣло стоитъ иначе, но, несомнѣнно, и оно стремится стать въ уровень съ теоріей.

Великіе реформаторы школы текущаго столѣтія,—Песталоцци, Дистервегъ, Жакото, Ушинскій и др.—были не только теоретики въ педагогическомъ дѣлѣ, но и практики: всѣ они были сами учителями; у нѣкоторыхъ были свои школы, гдѣ они и проводили свои взгляды, примѣняли новые способы обученія. Исходя изъ того, что успѣхъ дѣла главнымъ образомъ заключается не въ учителѣ, а въ самодѣятельности ученика, новые способы и имѣли цѣлью—пробудить въ ученикѣ интересъ къ ученью, дать возможность ученику самому справляться съ дѣломъ, пріучить его къ труду. Извѣстное изреченіе Жакото «qui veut—peut»—«ученикъ можетъ сдѣлать многое, если только захочетъ»—блестящимъ образомъ подтверждалось самимъ Жакото на практикѣ. Къ нему на уроки со всѣхъ концовъ Европы стекались учителя и вообще лица, интересовавшіяся разработкою педагогическихъ вопросовъ, и, по свидѣтельству современниковъ, всѣ поражались блестящими результатами, которыхъ достигалъ Жакото въ своей школѣ.

Современная школа сдѣлала огромный шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что поняла, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ *самодѣятельности* ученика, а потому и сосредоточила всѣ силы свои на возбужденіи интереса ученика къ дѣлу, на пріученіи его къ труду. Современная школа постоянно какъ-бы говоритъ ученику, что онъ больше всего найдетъ въ самомъ себѣ средствъ къ своему усовершенствованію, и только совѣтуетъ и помогаетъ ему избирать тѣ пути, которые проще и скорѣе ведутъ къ цѣли. Несомнѣнно, такое пониманіе дѣла совершенно правильно.

Въ этомъ смыслѣ, т.-е., что вся сила заключается въ самодѣятельности человѣка, надо понимать и замѣченіе Рибо, высказанное имъ въ своей психологіи: «Мнѣніе, что человѣкъ самъ создастъ свою судьбу, принадлежитъ лишь новѣйшей цивилизаціи, и это — одно изъ лучшихъ ея завоеваній».

Но такой постановкой дѣла далеко еще не исчерпывается задача воспитанія, что и свидѣтельствуютъ болѣе чѣмъ неутѣшительные результаты школы. Упрекъ Коменскаго, что школа подводитъ всѣхъ своихъ питомцевъ подъ одну рамку, имѣетъ силу и до сихъ поръ.

Въ этомъ виновата вся школьная система, виноватъ весь строй учебно-воспитательнаго дѣла. Школѣ нѣтъ дѣла до индивидуальныхъ стремленій, влеченій, наклонностей своихъ учениковъ. Она ведетъ всѣхъ по одной и той-же программѣ. Занимаясь съ массой дѣтей, школа имѣетъ въ виду ученика *среднихъ силъ*, *среднихъ способностей*, къ которому и пріурочиваетъ веденіе дѣла. Въ ней нѣтъ мѣста оригинальности, т.-е. натурамъ съ рѣзко выраженными индивидуальными стремленіями, съ преобладаніемъ, напр., однихъ ощущеній, однѣхъ ассоціацій надъ другими ощущеніями и ассоціаціями; въ ней нѣтъ мѣста для слабыхъ и выдающихся. Школа имѣетъ дѣло по преимуществу съ посредственностью; все же выходящее изъ обыкновеннаго, зауряднаго, школа силою своего авторитета отсѣкаетъ, подавляетъ и стремится подвести подъ типъ «средняго ученика». «Почти не помню я примѣра,—заявляетъ В. Розановъ (который былъ учителемъ 12 лѣтъ) въ своей статьѣ «Педагогическія трафаретки» *),—чтобы выходили изъ школы неспособнѣйшіе, и напротивъ, помню очень многихъ ярко даровитыхъ, о трудности для которыхъ какого-бы то ни было ученія не могло быть и рѣчи». «Все даровитое выбрасывается за бортъ». Въ другомъ мѣстѣ авторъ той-же статьи говоритъ: «Все даровитое само выбрасывается изъ гимназіи за бортъ, съ полнымъ сознаніемъ, что за этимъ послѣдуютъ годы нужды, нищенства, безпріютности, но съ совершеннымъ безсиліемъ еще на годъ, на два остаться въ этой нравственной и умственной тюрьмѣ, въ этомъ мірѣ видимостей, условностей, притворства, фикцій».

Значительный процентъ неуспѣвающихъ краснорѣчиво подтверждаетъ, что постановка учебнаго дѣла неправильна. Школа остановилась на полъ-дорогѣ въ своемъ развитіи, отстала отъ стараго берега и не примкнула къ новому и «безъ руля и безъ вѣтрилъ» плаваетъ въ безбрежномъ океанѣ неопредѣленностей, отчего положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшается. Принципъ «самодѣятельности» безъ примѣненія къ индивидуальнымъ силамъ—пустой звукъ, одна видимость умственнаго труда, безъ всякаго дѣйствительнаго умственнаго труда; это трудъ безъ развитія, безъ возрастанія, безъ озаренія, безъ просвѣтлѣнія, что могутъ вынести лишь вялыя, инертныя души, или-же обезличенныя силою школьной нивеллировки. Все зло современной школы,—понимая подъ словомъ школа весь строй воспитанія и обученія, а также и семью, которая стремится поддѣлаться подъ требованія школы,—все зло, вся бѣда, безъ сомнѣнія,

*) Статья эта напечатана была въ одномъ изъ нумеровъ «Новаго Времени» за прошлый годъ.

коренится въ *нивеллировкѣ* учениковъ. Не всякій ученикъ, поступившій въ гимназію, имѣетъ влеченіе къ изученію языкознанія, имѣетъ, такъ сказать, филологическія способности, такъ точно, какъ не всякій ученикъ реальнаго училища предрасположенъ къ изученію математики, естествовѣдѣнія и рисованія. Отсюда вытекаютъ всѣ печальныя послѣдствія дѣла. Счастливы тѣ дѣти и юноши, которыхъ наклонности совпадаютъ съ курсомъ учебнаго заведенія, въ которое они попали, и горе тѣмъ, которые должны восемь лѣтъ учить то, къ чему не лежитъ душа, что, вслѣдствіе этого, дается крайне трудно и является источникомъ мученія въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Вотъ эти послѣдніе и подводятся школою подъ одну рамку съ первыми. Они обыкновенно слывутъ подъ разными именами: «тупыхъ», «вялыхъ», «лѣнивыхъ», «шалуновъ», «неспособныхъ», «старательныхъ и даже очень старательныхъ, но неспособныхъ», «способныхъ и даже очень способныхъ, но не старательныхъ». Забота школы огромная: всѣхъ подвести подъ рубрику «успѣвающихъ». Вотъ тутъ и начинается педагогическое воздѣйствіе въ формѣ разныхъ облегчающихъ пріемовъ, повторенія, переписыванія, а также угрозы, наказанія, оставленія послѣ уроковъ, оставленія на воскресеніе, оставленія на второй годъ и, наконецъ, когда уже всѣ средства исчерпаны, удаленія изъ учебнаго заведенія.

Многіе объясняютъ большой процентъ *неуспѣвающихъ* «трудностью» курса. Но «трудность» школы, какъ совершенно вѣрно говоритъ В. Розановъ въ цитируемой нами выше статьѣ,—«есть трудность безъ заключенной въ ней мысли, только внѣшнимъ образомъ истомляющая; трудность въ томъ, что ея безкультурная работа вовсе не будитъ способностей ученика себѣ на встрѣчу, что ея трудности не изощряютъ остроту этихъ способностей, не возбуждаютъ ихъ; трудность въ томъ, что восьми-лѣтняя видимость умственныхъ занятій рѣшительно не сопровождается тѣми освѣжающими моментами угадыванія, нахожденія, надежды, сознанной ошибки и, наконецъ, рѣшенія, которыя поддерживаютъ силы ученика при рѣшеніи «трудной» задачи. «Трудная школа»,—но, Боже, даровитый ученикъ не устаетъ вовсе, не устаетъ никогда трудиться надъ возбуждающимъ его дарованіе предметомъ; это-же есть высшее счастье—умственный трудъ; развѣ мы устаемъ писать, читать, т.-е. учиться? Философы развѣ уставали размышлять? И это въ возрастѣ зрѣломъ или старческомъ, т.-е. когда дарованіе не развивается, когда умъ до извѣстной степени одеревенѣлъ, когда работа есть только работа, а не ростъ прежде всего. Нормальное ученіе должно также мало утомлять, оно должно также проситься, искаться ученикомъ,

какъ ѣда, какъ воздухъ; и именно ученье трудное, не дающееся сразу, вызывающее на борьбу съ собою». И мы видимъ, что дѣти дѣйствительно бѣгутъ въ школы, въ особенности въ элементарныя, народныя школы, гдѣ хорошій учитель или учительница, бѣгутъ, не смотря на морозъ и вьюгу, бѣгутъ за нѣсколько верстъ въ школу, потому что въ школѣ они живутъ полною жизнью, физическою и духовною; охотно бѣгутъ въ школу также и ученики первыхъ двухъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, когда еще индивидуальныя влеченія не успѣли проявиться; охотно ходятъ въ школу въ продолженіе всего курса ученія только тѣ «счастливцы», которые находятъ въ ней удовлетвореніе своимъ индивидуальнымъ наклонностямъ. Но такихъ, къ сожалѣнію, очень немного. Начинаютъ проявляться индивидуальныя стремленія, всего чаще на третьемъ или четвертомъ году ученія въ заведеніи, и тутъ отношенія измѣняются. Школа по прежнему дѣлаетъ свое дѣло и не замѣчаетъ тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ ея воспитанникахъ: нестарательныхъ, лѣнивыхъ, шалуновъ подтягиваетъ, вялыхъ, неспособныхъ, тупыхъ ободряетъ, и всѣхъ подводитъ подъ одну рамку, нивеллируетъ.

Эта нивеллировка тѣмъ легче дается, что индивидуальныя влеченія, наклонности въ большинствѣ случаевъ въ школьный періодъ только что пробуждаются, а потому проявленіе ихъ бываетъ обыкновенно робко, слабо, едва замѣтно. Въ этотъ періодъ, когда формируется физическій и духовный ростъ человѣка, когда изъ ребенка онъ преобразуется въ отрока, а затѣмъ и въ юношу, въ этотъ періодъ особенно бываетъ человѣкъ чутокъ, поддается всякому вліянію и можетъ принять направленіе, совершенно не отвѣчающее своимъ способностямъ. Конечно, это направленіе только временное, но тѣмъ не менѣе оно можетъ впослѣдствіи дурно отозваться на всемъ духовномъ складѣ. Вотъ почему въ этотъ періодъ, когда проявляются индивидуальныя влеченія, какъ можно меньше слѣдуетъ стѣснять воспитанника, потому что удовлетвореніе потребностей и желаній не только обусловливаетъ развитіе человѣка, но и даетъ возможность ярче выразиться тѣмъ стремленіямъ, которыя ближе всего къ его природѣ.

Вліяніе школы, конечно, не всегда бываетъ настолько сильно, чтобы окончательно подавить въ воспитанникѣ свойственныя ему влеченія: не развивая индивидуальныхъ влеченій, не давая имъ возможность проявляться, школа у однихъ дѣтей совсѣмъ ослабляетъ ихъ, у другихъ только на время заглушаетъ; но бываютъ случаи, когда противодѣйствіе школы только усиливаетъ ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ начинается борьба, и болѣе сильная сторона—школа, конечно, побѣждаетъ, вслѣдствіе чего ученикъ долженъ или затаить

свои стремленія, или же удалиться изъ заведенія, — другого выхода нѣтъ.

Какъ мы уже выше сказали, школа поставила себѣ въ образецъ типъ ученика среднихъ способностей,—типъ вполнѣ отвлеченный, безъ всякихъ признаковъ жизни, и въ эти искусственныя рамки стремится втиснуть живую природу человѣка. Отсюда возникаютъ неправильныя отношенія школы къ ея воспитанникамъ, отсюда являются многія искусственныя мѣры, предписанія, отсюда же возникаетъ нерѣдко и антагонизмъ, вражда между школой и ея питомцами, вмѣсто взаимнаго довѣрія и любви. Натуры болѣе или менѣе уравновѣшенныя, спокойныя, у которыхъ ни одна наклонность, ни одно стремленіе не нарушаютъ общей душевной гармоніи, которымъ ничто не мѣшаетъ удовлетворять требованіямъ среды, въ которой онѣ находятся, эти натуры легко подчиняются и всѣмъ требованіямъ школы. Наоборотъ, натуры съ какою-нибудь преобладающею наклонностью съ большимъ трудомъ примѣняются къ средѣ, такъ какъ ихъ душевныя силы, такъ сказать, раздваиваются. На этихъ-то послѣднихъ главнымъ образомъ и ложится всею тяжестью школьная система, стремящаяся подводить всѣхъ подъ одинъ ранжиръ.

II.

Внѣшнее проявленіе духовной жизни какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей очень разнообразно. Прежде всего слѣдуетъ уяснить, какія стремленія въ воспитанникѣ прирожденныя, какія случайныя, временныя, мимолетныя, какія, наконецъ, не болѣе, какъ капризъ. Высказываясь за индивидуальное развитіе, мы имѣемъ въ виду, конечно, что школа будетъ оказывать содѣйствія стремленіямъ прирожденнымъ, индивидуальнымъ, если въ основѣ своей они имѣютъ благо и никому не причиняютъ вреда. Отличить существенныя стремленія отъ случайныхъ въ воспитанникѣ значитъ составить сужденіе о его личности. Если воспитанникъ ведется такъ, что его не стѣсняютъ въ выраженіи проявленій своихъ стремленій въ разнообразной формѣ, то, когда время настанетъ, индивидуальныя стремленія, на первыхъ порахъ хоть въ общихъ чертахъ, но непремѣнно обнаружатся. Затѣмъ предоставляется широкое поле для наблюденія, чтобы составить болѣе полное представленіе объ индивидуальныхъ силахъ воспитанника.

Психологія въ настоящее время перестала быть чисто умозрительной наукой и гораздо больше, чѣмъ прежде, руководствуется въ своихъ выводахъ опытомъ и наблюденіемъ. Исходитъ она те-

перь не изъ какого-нибудь отвлеченнаго начала, а внимательно присматривается къ жизненнымъ явленiямъ и кладетъ ихъ въ основанiе своихъ выводовъ. Пора-бы и педагогикѣ взять примѣръ съ своей родной сестры—психологiи, пора-бы и ей раздвинуть свои рамки и увеличить кругозоръ своихъ наблюденiй.

Богатѣйшiй матерiалъ для педагога представляютъ бiографiи и автобiографiи выдающихся людей на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Въ этихъ памятникахъ человѣческой мудрости, славныхъ, а иногда и великихъ дѣлъ, собраны наблюденiя и самонаблюденiя, указаны тѣ условiя, при которыхъ развивался человѣкъ, уловлено, что влiяло на развитiе его ума, чувства, энергiи, воли, отмѣчено, какъ и въ чемъ проявлялись индивидуальныя наклонности, какъ складывался характеръ. Всѣмъ этимъ богатѣйшимъ матерiаломъ педагогъ можетъ широко воспользоваться. Эти наблюденiя и самонаблюденiя, несомнѣнно, дадутъ возможность лучше разобраться педагогу въ своихъ опытахъ и наблюденiяхъ надъ своими воспитанниками, дадутъ возможность сравнивать и тѣмъ самымъ помогутъ придти къ болѣе правильному выводу.

Законы развитiя для всѣхъ людей одни и тѣ-же, будетъ-ли это натура богато-одаренная отъ природы, феноменъ, или-же обыкновенный смертный съ заурядными способностями. Но жизнь феноменовъ, «избранниковъ Божiихъ», несравненно богаче своимъ содержанiемъ, чѣмъ жизнь простыхъ смертныхъ; воспрiятiе и проявленiе духовной жизни у первыхъ рѣзче, замѣтнѣе, въ силу своей величины, полетъ, такъ сказать, масштабъ ихъ дѣйствiй значительно больше и разнообразнѣе. Все это даетъ возможность лучше слѣдить за ростомъ душевной жизни, наблюдать тѣ-же законы душевной жизни, которымъ подчиняются и простые смертные, только въ значительно увеличенномъ видѣ. Въ этомъ отношенiи жизнь великихъ людей можетъ быть очень поучительна для невеликихъ. Если генiй не всегда можетъ быть для насъ идеаломъ, *какъ человѣкъ*, идеаломъ *во всѣхъ отношенiяхъ*, напр., въ нравственномъ, въ отношенiи характера, то въ той области, въ которой болѣе всего выразился его генiй,—будетъ-ли это необыкновенное проявленiе воли, или особенности ума, силы воображенiя, чувства,—въ этой области онъ, несомнѣнно, всегда для насъ можетъ служить идеаломъ. Изслѣдованiе тѣхъ условiй, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ генiй или просто выдающiйся человѣкъ, выясненiе тѣхъ обстоятельствъ, которыя особенно влiяли на развитiе его, знакомство съ тѣми прiемами, способами, какими его обучали и какими онъ самъ пользовался въ своихъ занятiяхъ,—все это въ высшей степени поучительно, все это, несомнѣнно, прольетъ свѣтъ въ педагогическую область, раздви-

нетъ рамки и дастъ жизненные идеалы въ воспитаніи, все это прольетъ свѣтъ и въ область обученія, обогатитъ ее не искусственными пріемами, выдуманными въ кабинетѣ, по преимуществу иностраннаго издѣлія, которыми такъ обильны наши руководства по педагогикѣ и методикѣ, а пріемами, взятыми изъ жизни, которыми пользовались живые люди и достигали великихъ результатовъ. Болѣе близкое знакомство съ жизнью великихъ людей или, еще лучше, изученіе этихъ великихъ памятниковъ ума, чувства и воли человѣческой, поскольку они отразились въ біографіяхъ, мемуарахъ и автобіографіяхъ, благотворно отразится на педагогахъ и въ томъ отношеніи, что оно поможетъ отличать въ дѣтяхъ прирожденныя, индивидуальныя стремленія отъ случайныхъ, временныхъ.

Къ этому изученію мы и приступимъ. Но предварительно должны разобраться въ нѣкоторыхъ взглядахъ, которые не разъ высказывались и высказываются въ печати по поводу великихъ людей.

«Стать самимъ собою», «открыть самого себя», проявить въ полной мѣрѣ свою индивидуальность дается очень и очень немногимъ, несмотря на то, что человѣку присуще стремленіе къ развитію своихъ силъ, къ проявленію ихъ вовнѣ. Гдѣ же причина этому? Существуетъ мнѣніе, и оно прочно установилось, что люди богатоодаренные, «избранники жребія», всегда свое возьмутъ, всегда проявятъ и разовьютъ свою индивидуальность, несмотря ни на какія препятствія, что пути развитія исключительныхъ людей также исключительны, какъ и они сами. Приверженцы такого взгляда говорятъ, что талантъ, какъ живой родникъ, непремѣнно пробьется наружу и опрокинетъ всѣ препятствія. Мнѣніе это до такой степени пустило глубокіе корни, что даже сами біографы нерѣдко придерживаются его и приводятъ въ подтвержденіе не мало доказательствъ. Такъ, на школьной скамьѣ, за переводами Горація и Виргилія, Гельмгольцъ потихоньку дѣлаетъ подъ столомъ вычисленія преломленія свѣтовыхъ лучей.

Молодого Сименса за участіе въ дуэли посадили на шесть мѣсяцевъ въ крѣпость; онъ устроилъ себѣ тамъ лабораторію и открылъ золоченіе посредствомъ гальваническаго тока. «Примѣръ Кеплера всего нагляднѣе показываетъ намъ, —читаемъ мы въ біографіи его, составленной Е. А. Предтеченскимъ,—что нѣтъ такихъ препятствій, которыя могли-бы остановить развитіе и дѣятельность генія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было-бы выдумать обстоятельства, менѣе благопріятныя для умственнаго и нравственнаго развитія. Отецъ—солдатъ безъ всякаго образованія, не любящій сына и не заботящійся о немъ; мать—грубая и пьяная женщина, настоящая рыночная торговка, бездомная и безсердечная. Кабакъ и пьяные

посѣтители его, которымъ будущій великій человѣкъ подноситъ отвратительное вино и мерзкую закуску, — вотъ обстановка мальчика... Какимъ образомъ въ этомъ кромѣшномъ аду могъ очутиться свѣтлый ангелъ? Что можетъ быть хуже этой среды, этихъ условій? По общепринятому мнѣнію, такая среда должна-бы «загубить» все, съ нею соприкасающееся. Да она обыкновенно и дѣйствуетъ растлѣвающимъ образомъ, какъ зараза, но... не на генія. Грязь и сырость неизбѣжно обратятъ въ ржавчину желѣзо, но нисколько не испортятъ золото. Такъ бываетъ и съ избранниками Божіими».

Творческая сила человѣка, по мнѣнію тѣхъ-же защитниковъ приведеннаго взгляда, преградъ не знаетъ и ссылаться на судьбу, на среду, на плохую обстановку можетъ только слабая воля. Сильная душа выйдетъ изъ борьбы, какъ сталь изъ огня, только закалившись.

Таково общее мнѣніе относительно развитія «привилегированныхъ» личностей, «избранниковъ жребія». Но правиленъ-ли этотъ взглядъ? Можно привести еще не мало примѣровъ изъ біографій великихъ людей, свидѣтельствующихъ о желѣзной силѣ воли, предъ которой рушились всѣ препятствія; но и тогда едва-ли можно придти къ общему выводу.

О чемъ свидѣтельствуютъ всѣ эти примѣры? О побѣдѣ даннаго лица надъ препятствіями, о счастливомъ выходѣ человѣка изъ борьбы съ жизнью. Но отсюда еще нельзя сдѣлать выводъ, что эта *побѣда остается всегда за человѣкомъ, если только этотъ послѣдній богато одаренъ способностями.*

Примѣровъ не мало и такихъ, гдѣ человѣкъ съ волею, съ безспорно выдающимися способностями всю жизнь борется съ обстоятельствами, не сдѣлавъ и сотой доли того, что могъ-бы сдѣлать при другихъ условіяхъ, не развернувъ тѣхъ силъ, которыя въ тайникѣ души его хранятся. Наши Кулибинъ, Шевченко, Кольцовъ, Никитинъ, Ѳедотовъ (и каждое государство можетъ привести множество своихъ подобныхъ примѣровъ) показываютъ намъ, какими могучими задатками обладаютъ нерѣдко общественные слои, лишенные свѣта знанія и матеріальнаго довольства, какой непочатый еще родникъ поэзіи, ума и нравственной энергіи заключаютъ они и какою могучею живительною струею могли-бы пролиться эти силы, если бы исторія была вообще милостивѣе къ людямъ. Чтобы выбиться на дорогу, проявить свою индивидуальность, конечно, нужно имѣть недюжинное дарованіе и силу воли, но было-бы ошибочно въ этомъ видѣть все: нужно еще, какъ говорится, родиться въ сорочкѣ, т.-е. нужны еще особенно благопріятныя условія. И если внимательнѣе посмотрѣть на тѣ условія жизни, среди которыхъ про-

текали дѣтство и юность выдающихся людей, вышедшихъ изъ народной среды, изъ страшной нищеты и бѣдствія, какъ большинство вышеназванныхъ лицъ, то и въ ихъ жизни найдутся благопріятныя обстоятельства, способствовавшія ихъ развитію.

Это условіе такъ-же необходимо для развитія, какихъ-бы способностей человѣкъ ни былъ, какъ солнечный лучъ для всего живого. Отсутствіемъ благопріятныхъ условій въ воспитаніи и объясняется то, что люди съ недюжинными дарованіями и съ сильною, но направленною на зло волею не только погибаютъ для общества, но даже вредны ему. «Можетъ-ли проявиться талантъ даннаго живописца,—спрашиваетъ Фр. Полана въ своемъ трудѣ «Психологія характера»,—если какой-нибудь несчастный случай лишитъ его съ ранняго дѣтства зрѣнія? Можетъ быть, въ немъ проявится другой талантъ, но, можетъ быть, разрушенная сила ничѣмъ не будетъ замѣнена. Сколько менѣе явныхъ случайностей могутъ подавить зарождающіяся желанія или потребности. Все, что происходитъ вокругъ насъ и въ насъ самихъ, содѣйствуетъ тѣмъ или другимъ стремленіямъ, пріостанавливаетъ или совершенно ихъ уничтожаетъ. Конечно, *требуется немного, чтобы существенно измѣнить нашу натуру и помѣшать намъ быть тѣмъ, чѣмъ мы теперь являемся*».

Дѣло въ томъ, что далеко не всѣмъ біографамъ удавалось уловить тѣ факторы въ жизни великихъ людей, которые всего болѣе способствовали пробужденію и развитію въ нихъ индивидуальности. Въ своихъ описаніяхъ біографы больше всего останавливаются на внѣшнихъ условіяхъ, какъ болѣе замѣтныхъ, съ которыми приходилось бороться многимъ избраннымъ натурамъ; эти чисто матеріальнаго свойства факторы они считаютъ столь-же вредными для развитія духа, какъ и для физическаго развитія. Между тѣмъ, не мало такихъ примѣровъ, засвидѣтельствованныхъ самими дѣйствующими лицами въ своихъ автобіографіяхъ, что нерѣдко обстоятельства отрицательнаго свойства содѣйствовали развитію положительныхъ сторонъ. Такъ, болѣзнь, недостатокъ движенія, отсутствіе разнообразія впечатлѣній, недостатокъ надзора, одиночество и другія чисто отрицательныя стороны нерѣдко способствовали развитію сосредоточенности, углубленію во внутренній міръ, что несомнѣнно содѣйствовало духовному росту. Отъ смѣшенія факторовъ въ развитіи, отъ неразличенія ихъ вліянія на физическую и духовную природу человѣка и получилось неправильное заключеніе, что для геніальныхъ натуръ нѣтъ препятствій, что онѣ всегда пробьютъ себѣ дорогу. Неполнота біографическихъ данныхъ нѣкоторыхъ выдающихся личностей, въ особенности далеко отстоящихъ отъ насъ по времени, приписываніе внѣшнимъ событіямъ, которыя въ боль-

шинствѣ случаевъ только и имѣются въ распоряженіи біографа, того вліянія, которое они на самомъ дѣлѣ не испытали,—все это приводило къ тому заблужденію, что развитіе избранныхъ натуръ не подчиняется тѣмъ законамъ, которымъ подчинено развитіе всѣхъ смертныхъ. Подобные факторы, какъ доброе слово, во-время сказанное, добрый примѣръ, хорошій товарищъ, хорошая книга, общеніе съ природою и другія обстоятельства, часто ускользаютъ отъ біографа, а между тѣмъ въ развитіи личности эти факторы могли имѣть громадное значеніе.

По поводу избранныхъ натуръ существуетъ не мало разныхъ теорій, но всѣ онѣ болѣе остроумны, чѣмъ основательны, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ профессоръ Жоли въ своей «Психологіи великихъ людей». «Мы не сторонники, — говоритъ онъ, — теоріи Моро-де-Тура, который, выходя изъ того, что здоровье и болѣзнь, сила и слабость, порядокъ и разстройство зависятъ отъ одинаковыхъ условій, приходитъ къ заключенію, что «геній,—это неврозъ», что «душевный складъ многихъ геніальныхъ людей на самомъ дѣлѣ тотъ-же самый, что у идіотовъ». Не раздѣляемъ также довольно распространеннаго взгляда, что «геній есть нечто иное», какъ «терпѣніе», какъ не согласны и съ тѣмъ, что геній обязанъ простому случаю, что «геній получаетъ свой замыселъ неизвѣстно откуда, какъ даръ боговъ, не стоющій ему самому ни малѣйшаго труда, потому что онъ получаетъ его цѣликомъ, какъ-бы высѣченный изъ одного куска».

Отъ обыкновенныхъ смертныхъ великіе люди отличаются, по нашему мнѣнію, не столько своими природными дарованіями, сколько *развитіемъ своей индивидуальности.* Если природныя дарованія недюжинныя, если они найдутъ *свою дорогу*, если обстоятельства будутъ способствовать полному расцвѣту ихъ, то развивается въ индивидуумѣ и душевная энергія, сила воли. Соединеніе въ одномъ лицѣ выдающихся природныхъ дарованій, нашедшихъ свое полное выраженіе въ индивидуальныхъ наклонностяхъ, съ силою воли возвышаетъ личность надъ уровнемъ обыкновенныхъ смертныхъ. Сила воли, которая обыкновенно поражаетъ въ великихъ людяхъ, есть не болѣе, какъ слѣдствіе природнаго влеченія, послушный проявитель неудержимо стремящагося наружу «я».

Неполное индивидуальное развитіе не есть удѣлъ однихъ только великихъ людей,—это было-бы очень печально: каждый человѣкъ съ самыми скромными способностями при соотвѣтствующихъ условіяхъ несомнѣнно можетъ развить свои индивидуальныя силы, чему не мало можно видѣть въ жизни доказательствъ. Другое дѣло, насколько обстоятельства жизни позволятъ человѣку отдаться все-

цѣло своимъ влеченіямъ, наклонностямъ, построить на нихъ свою жизнь,—это уже вопросъ соціально-экономическій, котораго мы не касаемся. Важно, чтобы въ человѣкѣ была пробуждена индивидуальная жизнь, чтобы человѣкъ ощущалъ въ себѣ этотъ священный огонь, безъ котораго и жизнь кажется безсмысленной и лишней. Если даже человѣкъ можетъ отдаваться своимъ наклонностямъ только въ весьма немногіе часы досуга, то и тогда уже онъ неизмѣримо счастливѣе *обезличеннаго* человѣка.

Всѣ эти соображенія мы считали нужнымъ высказать, прежде чѣмъ приступить къ анализу душевной жизни выдающихся лицъ, по имѣющимся у насъ біографіямъ, автобіографіямъ, дневникамъ и другимъ матеріаламъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ постараемся выяснить главные моменты въ развитіи индивидуальныхъ силъ человѣка.

III.

Жизнь человѣческаго духа составляетъ какъ-бы продолженіе окружающей насъ жизни и въ значительной степени ей подчинена. Потребности нашего тѣла, среда, въ которой мы живемъ и дѣйствуемъ, постоянно вліяютъ на нашу духовную жизнь, на наши представленія, ассоціаціи ихъ, на взаимную борьбу ихъ, на побѣду однихъ и пораженіе другихъ. Въ младенческіе и дѣтскіе годы, или, точнѣе сказать, въ годы до пробужденія индивидуальныхъ стремленій жизнь течетъ по діагонали воспринимаемыхъ человѣкомъ впечатлѣній. Подобно тому, какъ направленіе древеснаго листка, попавшаго на море, обусловливается окружающими его условіями, такъ дѣйствія и поступки человѣка въ указанный періодъ зависятъ отъ впечатлѣній. Въ дѣйствіяхъ и поступкахъ своихъ въ этотъ періодъ человѣкъ не руководствуется оцѣнкою впечатлѣній, выборомъ ихъ, предпочтеніемъ однихъ мотивовъ передъ другими; короче говоря, сознаніе и воля въ нихъ не участвуютъ. Окружающій міръ, можно сказать, насильно врывается въ душу ребенка своими впечатлѣніями черезъ внѣшнія его чувства,—вкусъ, осязаніе, зрѣніе, слухъ и обоняніе. Въ этотъ періодъ положеніе человѣка совершенно пассивное. Но природа свое дѣло дѣлаетъ, и организмъ ребенка развивается. По мѣрѣ накопленія впечатлѣній, начинается ассоціація и сличеніе ихъ. Такъ зарождается сознаніе, а вмѣстѣ съ нимъ и воля въ человѣкѣ. Пассивное положеніе начинаетъ не удовлетворять ребенка, и онъ начинаетъ дѣлать попытки выйти изъ него. Сначала все это совершается крайне неопредѣленно: ребенка куда-то тянетъ, куда-то влечетъ, чѣмъ-то онъ недоволенъ, чего-то хочетъ. Но вотъ

онъ начинаетъ все болѣе и болѣе отдавать предпочтеніе однимъ впечатлѣніямъ передъ другими; міръ звуковъ или міръ цвѣтовъ, красокъ все болѣе и болѣе начинаетъ привлекать его, удерживать его вниманіе. Однородныя впечатлѣнія ассоціируются въ душѣ ребенка въ разныхъ направленіяхъ и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени становятся, наконецъ, центромъ, вокругъ котораго начинаетъ группироваться духовная жизнь его. Это уже есть начало индивидуальной жизни. Съ пробужденіемъ индивидуальныхъ влеченій ребенокъ постепенно начинаетъ выходить изъ своего пассивнаго положенія: поведеніе его теперь обусловливается не одними только внѣшними впечатлѣніями, но и внутренними индивидуальными влеченіями.

Конечно, въ этотъ періодъ жизни человѣка индивидуальныя влеченія проявляются въ самой общей формѣ и въ самой слабой степени. Одинъ ребенокъ носится съ игрушкой, какъ съ живымъ существомъ, другого интересуетъ игрушка съ механической стороны, какъ и изъ чего она сдѣлана, онъ разламываетъ и наблюдаетъ ее, а третьяго игрушка даже совсѣмъ не интересуетъ: онъ самъ себя забавляетъ и самъ создаетъ для себя обстановку. Въ болѣе-же опредѣленной формѣ индивидуальныя влеченія обнаруживаются у людей въ разное время, начиная съ пяти-шести лѣтъ и даже раньше и кончая совсѣмъ уже зрѣлыми годами. Въ послѣднемъ случаѣ они выражаются обыкновенно бурно, стремительно, подобно горному потоку, вдругъ прорвавшему плотину. Въ раннемъ-же дѣтствѣ влеченія проявляются неувѣренно, робко, какъ будто ищутъ свою тропинку, свое русло. Если же влеченію обстоятельства благопріятствуютъ, если при этомъ еще выдающіяся дарованія, то оно быстро выливается въ опредѣленную форму. Но обратимся къ фактамъ, къ примѣрамъ, прослѣдимъ, какъ и когда индивидуальныя влеченія принимаютъ уже опредѣленную форму.

Знаменитый Моцартъ уже съ четырехъ лѣтъ обнаруживалъ влеченіе къ музыкѣ и, не достигнувъ еще восьми лѣтъ, поражалъ уже своею геніальной игрой. Мавръ Іокай,—извѣстный мадьярскій писатель, произведенія котораго переведены на всѣ европейскіе языки,— уже шести лѣтъ писалъ стихи, которые и были впослѣдствіи напечатаны въ журналѣ «Regélo», послѣ того какъ Іокай 19 лѣтъ былъ удостоенъ академической преміи за свое произведеніе — драма въ стихахъ «Мальчикъ-еврей». Главными забавами въ дѣтствѣ Эдисона были—устройство маленькихъ дорогъ, вымощенныхъ планками, водяныхъ мельницъ, гротовъ и т. п. сооруженій по берегу рѣки Гурона. Игрушки и дѣтскія забавы не привлекали мальчика, и про него впослѣдствіи самъ отецъ говорилъ: «Томасъ не зналъ дѣтскихъ

игръ. его забавами были паровыя машины и механическія постройки» *). Гассенди,—одинъ изъ предвѣстниковъ великаго Ньютона,—съ самаго ранняго дѣтства обнаруживалъ свои наклонности. Ему было не больше восьми лѣтъ, по свидѣтельству его біографа Колэ, когда онъ украдкою выходилъ въ ночное время изъ дому, чтобы наблюдать небесныя свѣтила. Цѣлыми часами сидѣлъ онъ на какомъ-нибудь утесѣ и наблюдалъ звѣзды. Знаменитый французскій художникъ Эжень Делякруа съ восьми-лѣтняго возраста сталъ проявлять особенное призваніе къ живописи и рисунку, выказывая поразительное упорство и силу въ преслѣдованіи своихъ художественныхъ стремленій. «Вальтеръ Скоттъ уже до десятилѣтняго возраста собралъ столько старинныхъ разсказовъ и пѣсенъ, что изъ нихъ составилось нѣсколько тетрадей; онѣ до настоящаго времени сохраняются въ Аббатсфордѣ и всѣ писаны ребяческимъ почеркомъ».

У Виктора Гюго обнаружилась наклонность къ писанію стиховъ очень рано. «Съ тринадцатилѣтняго возраста до шестнадцатилѣтняго Викторъ Гюго выказалъ необыкновенную литературную плодовитость. Онъ писалъ: оды, сатиры, посланія, поэмы, элегіи, идилліи, романы, басни, сказки, эпиграммы» **). Боклю было восемнадцать лѣтъ, когда онъ уже затѣялъ то твореніе, которое прославило его имя. Умный отецъ не отрывалъ его отъ ученыхъ занятій и не требовалъ отъ него веденія торговыхъ дѣлъ.

Съ особенной силой и очень рано сталъ привлекать нашего знаменитаго Глинку міръ звуковъ. «По праздникамъ его водили въ церковь и говорятъ, что даже въ самомъ первомъ возрастѣ церковное пѣніе и звонъ колоколовъ производили на него неотразимое впечатлѣніе. Возвращаясь домой, онъ долго не могъ отдѣлаться отъ этихъ впечатлѣній, набиралъ мѣдные тазы и подолгу звонилъ, подражая церковнымъ колоколамъ. Когда впослѣдствіи, на седьмомъ году, ему случилось быть въ городѣ и слышать колокола самыхъ разнообразныхъ тембровъ, онъ безошибочно могъ отличить звонъ каждой церкви и вообще проявлялъ необыкновенно тонкій слухъ. Но вообще музыкальное чувство будущаго композитора до восьми лѣтъ, какъ замѣчено въ автобіографіи, оставалось въ зачаточномъ, неразвитомъ состояніи. Оно проявилось у него рельефно только на десятомъ или одиннадцатомъ году. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ Глинка: «У бабушки иногда собиралось много сосѣдей и родственниковъ; это случалось въ особенности въ день

*) Эдисонъ. Біографическій очеркъ А. В. Каменскаго.

**) Біограф. очеркъ А. Паевской.

ангела, или когда пріѣзжалъ кто-либо, кого хотѣли угостить на славу. Въ такомъ случаѣ посылали обыкновенно за дворовыми музыкантами къ дядѣ моему, брату матушки, за восемь верстъ. Музыканты оставались нѣсколько дней, и когда танцы за отъѣздомъ прекращались, играли, бывало, разныя пьесы. Однажды,—помнится, что это было въ 1814 или 1815 году, однимъ словомъ, когда я былъ по 10-му или по 11-му году,—играли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ; эта *музыка произвела на меня непостижимое, новое ивосхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи и былъ погруженъ въ неизъяснимое томительно сладкое состояніе.* Съ тѣхъ поръ я страстно полюбилъ музыку». «Несомнѣнно,—говоритъ біографъ его С. А. Базуновъ,—что это былъ моментъ душевнаго перелома, была эпоха въ жизни Глинки, когда для него *впервые сознательно опредѣлилось врожденное его призваніе*».

Любовь къ литературѣ сказалась въ Бѣлинскомъ чрезвычайно рано, по его собственному свидѣтельству. «Еще будучи мальчикомъ, ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно и безъ всякаго разбору списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Державина и пр.; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу»; я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума *). «Интересъ къ литературѣ, — говоритъ Пыпинъ,—т.-е. интересъ къ поэтическому, изящному былъ у Бѣлинскаго такимъ господствующимъ, что поглощалъ всю его умственную энергію; уже съ этихъ поръ у него не было охоты къ сухимъ и точнымъ изученіямъ, какъ осталось и до конца: онъ отдавался только тому, что затрогивало его идеальные интересы, возбуждало его энтузіазмъ.

Оттого «нехожденіе въ классы» въ гимназіи, «нерадѣніе» въ университетѣ. Это вовсе не была лѣнь: напротивъ, онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ въ томъ, что его занимало; впослѣдствіи онъ могъ *работать до изнеможенія.* Нѣтъ спора, что эта односторонность очень вредила ему, ограничивая кругъ его свѣдѣній, въ чемъ его такъ часто упрекали; но такова была его натура: онъ искалъ живого содержанія, которое разрѣшало-бы волновавшіе его нравственные вопросы, питало-бы его потребности изящнаго. Самыя стремленія его носили поэтическій складъ — оттого они и искали поэтическихъ образовъ и картинъ; отрасли знанія, не касавшіяся идеальныхъ вопросовъ жизни и нравственности, не привлекали его».

У Пушкина и Лермонтова также очень рано пробудились и вполнѣ выяснились индивидуальныя наклонности.

*) В. Г. Бѣлинскій. Біограф. оч. М. А. Протопопова.

Вообще-же можно сказать, что у большинства индивидуальность выясняется отъ семи до четырнадцати лѣтъ, т. е. въ отроческіе годы. Это справедливо не только по отношенію лицъ съ выдающимися дарованіями, но и по отношенію лицъ съ обыкновенными способностями. Разница только въ томъ, что у первыхъ индивидуальность сказывается ярче, сильнѣе, опредѣленнѣе, тогда какъ у послѣднихъ, въ особенности въ первые годы пробужденія, проявляется робко, нерѣшительно и только къ десяти—къ двѣнадцати годамъ, въ школьный періодъ, начинаетъ все болѣе и болѣе вывыясняться. Однихъ привлекаетъ міръ красокъ, звуковъ, у другихъ работаетъ по преимуществу воображеніе и требуетъ себѣ пищи для своего развитія, иныхъ влечетъ къ себѣ волшебными чарами природа, и они страстно отдаются ей въ той или другой формѣ—въ собираніи коллекцій бабочекъ, насѣкомыхъ, раковинъ, минераловъ, въ составленіи гербаріума, въ наблюденіи за жизнью птицъ, животныхъ; однихъ влекутъ точныя науки, умственные процессы, другихъ интересуетъ физическая работа, механическая сторона дѣла.

Но дѣтскіе и отроческіе годы въ жизни каждаго человѣка въ большинствѣ случаевъ проходятъ полусознательно; внѣшній міръ обиліемъ впечатлѣній подавляетъ человѣка; индивидуальныя влеченія хотя довольно ясно обрисовываются въ этотъ періодъ, но въ нихъ еще человѣкъ не даетъ себѣ отчета: они еще въ большинствѣ случаевъ только бродятъ, ищутъ выхода, ищутъ предмета, на которомъ могли бы сосредоточиться.

Переходя-же въ юношескій возрастъ (ученики III—IV-го классовъ среднеучебнаго заведенія), лѣтъ 13—15, за весьма малымъ исключеніемъ, каждый юноша въ этомъ возрастѣ можетъ уже болѣе или менѣе опредѣленно сказать, чего онъ хочетъ, куда его влечетъ, какіе предметы его больше интересуютъ, къ чему онъ больше чувствуетъ себя способнымъ. Эти показанія, хотя-бы они были даны въ общей формѣ, имѣютъ огромное значеніе въ выясненіи индивидуальности. Родители и школа *обязательно* должны обратить на нихъ вниманіе и сообразоваться съ ними въ дальнѣйшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла. Поступать иначе—значитъ не сообразоваться съ природою воспитуемыхъ, значитъ пренебрегать природными силами, наклонностями, значитъ забывать, что главная сила находится въ ученикахъ, а не въ школѣ.

IV.

Разсмотримъ теперь тѣ условія, которыя способствовали пробужденію и развитію индивидуальныхъ наклонностей въ жизни выдаю-

щихся людей. Отмѣтимъ какъ положительные, такъ и отрицательные факторы, которые оказывали вліяніе на развитіе ихъ.

Прекраснымъ примѣромъ счастливаго сочетанія всѣхъ условій для развитія индивидуальныхъ силъ можетъ служить безсмертный Рафаэль Онъ, можно сказать, счастливѣйшій избранникъ судьбы. «Отъ колыбели ведетъ она его къ цѣли,—говоритъ составитель его біографіи С. М. Брилліантъ,—какъ опытный воспитатель, разсчитавшій всѣ шансы успѣха. Геній его развивается правильно: ничто и никто не становится на его пути, ему не нужно бороться, не приходится испытывать участи не признаннаго, а зависть и злоба безсильны противъ его доброты, ласки, генія; онъ идетъ всегда спокойный и ясный, какъ «св. Маргарита», которой змѣя не смѣетъ коснуться на его картинѣ».

Родина Рафаэля—городъ Урбино, находящійся въ средней части восточной полосы Италіи, недалеко отъ береговъ Адріатическаго моря. Отецъ Рафаэля—Джіованни Санти, извѣстный въ свое время художникъ. Вѣкъ, въ которомъ родился (въ 1483 году) и жилъ Рафаэль, называется золотымъ вѣкомъ, вѣкомъ возрожденія. Природа отличила Рафаэля отъ самаго рожденія кротостью и красотой тѣла и духа. Въ самые ранніе годы онъ уже сопровождаетъ своего отца въ ближайшіе города и монастыри, гдѣ Джіованни имѣлъ заказы. Это былъ для Рафаэля счастливый случай не только увидѣть много великаго въ столь раннемъ возрастѣ, но и узнать многое изъ богатыхъ фантазіей преданій того времени, то на мѣстѣ пребыванія, то во время пути. Въ этихъ разсказахъ, какъ и вообще въ воображеніи итальянца того времени, все носило колоритъ чуднаго неба, богатой природы, энергіи свободнаго характера и непосредственной силы души.

Мастерская и наслѣдство отца, т.-е. домъ и земля, давали возможность Джіованни жить безбѣдно со своимъ семействомъ. Онъ былъ женатъ на дочери одного урбинскаго торговца; звали ее Маджіа, она была матерью Рафаэля.

«Мысль и чувство Джіованни,—говоритъ далѣе г. Брилліантъ,—вполнѣ отвѣчали настроенію и взглядамъ той свѣтлой полосы времени—зари возрожденія. Это возвышенное настроеніе, эту вѣру въ чистоту и святость искусства онъ передалъ и сыну. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ ему и часть своихъ знаній и опыта, позволяя ему помогать себѣ въ работѣ и съ увлеченіемъ разсказывая сыну о славныхъ художникахъ, ихъ жизни и дѣятельности, о той любви и поклоненіи, которыми ихъ окружалъ народъ, о покровительствѣ знатныхъ владѣтелей и прекрасныхъ дамъ. И не только разсказывалъ онъ все это сыну, но и оставилъ послѣ смерти, какъ завѣщаніе, въ

обстоятельномъ описанiи—въ своей знаменитой «Хроникѣ», не лишенной, кромѣ того, и поэтическихъ красотъ, какъ это видно изъ того, что нѣкоторые, хотя и преувеличенно, называли его «вторымъ Данте».

«Отъ отца наслѣдовалъ Рафаэль страсть къ искусству, обожанiе красоты, стремленiе къ совершенству и воспрiимчивость; отъ матери—ту ясность души и кротость мирнаго настроенiя, которымъ дышатъ всѣ его картины. Она приближалась характеромъ и внѣшностью къ тому типу Мадонны, которому служила кисть Джiованни, и онъ поэтому увѣковѣчилъ ея образъ на стѣнѣ своего дома. На одной изъ стѣнъ во дворѣ дома Джiованни Санти найдена была фреска, изображающая св. Дѣву съ младенцемъ на рукахъ. Она сидитъ на скамьѣ, устремивъ взоръ къ развернутой передъ ней книгѣ и нѣжно прижавъ къ груди спящаго младенца. Въ этой группѣ столько жизни, что картину долгое время приписывали сыну вмѣсто отца. Естественность въ положенiи фигуръ и особенно удачный нѣжный профиль и тонкое выраженiе грусти—все это говоритъ за то, что картина писалась съ особенной любовью и что моделью Джiованни служили молодая жена и ея первый сынъ—Рафаэль».

Восьми лѣтъ Рафаэль потерялъ мать, на двѣнадцатомъ — отца. Изъ опекуновъ Рафаэля наибольшую заботливость о немъ выказалъ дядя со стороны матери, Симоне Ди Баттисти Чiарла. Онъ съумѣлъ понять все, что̀ волновало душу маленькаго генiя, его мечты и горячiя стремленiя къ искусству, и тѣмъ прiобрѣлъ навсегда искреннюю привязанность и дружбу Рафаэля, который считалъ и даже называлъ его въ письмахъ «вторымъ отцомъ». Одиннадцатилѣтнiй Рафаэль выказалъ уже такiе проблески таланта, учась еще среди дѣтскихъ игръ, что необходимо было избрать для него достойнаго учителя. Выборъ остановился на Пьетро Перуджино, извѣстномъ въ то время художникѣ, котораго школа была въ ближайшемъ городѣ Перуджи. Знаменитый учитель, соученикъ по мастерской знаменитаго да-Винчи, уже облегчаетъ Рафаэлю переходъ отъ старой школы къ новой. Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело старше его, онъ беретъ у нихъ все, что, возможно въ техникѣ и знанiи,—это фундаментъ его успѣха. «Папы Юлiй II и Левъ X его современники, единственные въ своемъ родѣ, способные дать полный просторъ его кисти, создать пространство, которое ему оставалось наполнить, не думая о средствахъ. Наконецъ, успѣхъ, любовь, дружба, богатство, поклоненiе—все окружало его при жизни, а послѣ смерти его имя вѣнчаетъ вѣчная слава» *).

Такимъ образомъ, Рафаэль завершаетъ свое развитiе, свою царственную дѣятельность въ Римѣ, создавая эпоху въ искусствѣ. Нигдѣ

*) Бiографическiй очеркъ С. М. Брилліанта.

и никогда въ продолженіе всей жизни ни малѣйшей ломки характера, ни малѣйшаго отклоненія, ни облачка на всемъ свѣтломъ пути развитія. Блестящія условія и выдающіяся дарованія создали геніяцаря въ живописи.

Но жизнь очень рѣдко надѣляетъ человѣка такъ по-царски щедро своими благами. Прослѣдимъ теперь развитіе другихъ избранныхъ натуръ, въ жизни которыхъ рядомъ со свѣтлыми лучами были и темные, радость которыхъ нерѣдко смѣнялась страданіемъ, борьбою.

Прекраснымъ примѣромъ счастливаго сочетанія условій *для пробужденія индивидуальныхъ стремленій* могутъ служить первые года жизни Карла Линнея. Къ сожалѣнію, этотъ счастливый періодъ тянулся не долго,—до десятилѣтняго возраста, до поступленія въ школу. Страстная любовь къ изученію природы пробудилась въ Линнеѣ съ самаго ранняго дѣтства. Мать засыпала его цвѣтами, когда онъ еще былъ въ колыбели, и у маленькаго Карла была первая игрушка—цвѣты.

Отецъ Линнея былъ большой любитель цвѣтовъ и садоводства. Садъ и занятія отца сыграли немалую роль въ душевномъ развитіи будущаго основателя научной ботаники. Мальчику отвели особый уголокъ въ саду, нѣсколько грядокъ, гдѣ онъ считался полнымъ хозяиномъ. На этихъ грядкахъ, когда ему было не болѣе восьми лѣтъ, онъ разводилъ не только всѣ тѣ самыя породы растеній, которыя росли въ саду отца, но пересаживалъ къ себѣ нравившіеся ему цвѣты и растенія изъ окрестныхъ полей и рощъ. Всѣ думы, заботы, радость и горе маленькаго Карла сосредоточились въ томъ уголку сада, гдѣ онъ положилъ не мало своихъ трудовъ, гдѣ росли его любимцы. Такъ полно, счастливо протекало дѣтство Линнея до десяти лѣтъ. Отцу пріятно было видѣть, что сынъ унаслѣдовалъ его любимую наклонность, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на забаву. Самъ Линней былъ сельскимъ священникомъ и садоводствомъ занимался только въ часы досуга, какъ удовольствіемъ. Наступила пора, когда сына надо отдавать въ учебное заведеніе. Куда отдавать? Къ какой практической дѣятельности готовить мальчика? Отецъ и мать согласно рѣшили, что Карлъ долженъ идти по дорогѣ отца, долженъ быть пасторомъ, и стали готовить его къ духовной карьерѣ. Съ этого времени начинается тяжелая и неустанная борьба Линнея съ обстоятельствами. Въ школѣ, куда отдали его и гдѣ онъ пробылъ до семнадцати лѣтъ, а затѣмъ и въ гимназіи занятія шли плохо. Линней съ увлеченіемъ продолжалъ заниматься ботаникой. Еще математикой и физикой Линней занимался довольно охотно, но терпѣть не могъ латыни. Даровитый юноша могъ съ успѣхомъ и увлеченіемъ заниматься только такими предметами, внутренній смыслъ которыхъ ему былъ понятенъ. Когда отецъ Линнея пріѣхалъ въ

городъ Вексіё и пошелъ въ гимназію узнать объ успѣхахъ сына, который учился тамъ уже два года, ему сказали, что сынъ его — неспособный юноша, ученье его не идетъ, и пасторъ изъ него навѣрное не выйдетъ; лучше будетъ, если отецъ возьметъ его изъ заведенія и отдастъ въ обученіе мастерству, къ столяру или сапожнику. Этотъ отзывъ и дружественный совѣтъ почтенной коллегіи жестоко огорчилъ и обидѣлъ бѣднаго отца Линнея, и надо думать, что юношѣ порядкомъ досталось на этотъ разъ за его безразсудную любовь къ ботаникѣ. Отецъ собирался уже взять сына изъ гимназіи и послѣдовать совѣту гимназическаго начальства, но случай столкнулъ его съ добрымъ и порядочнымъ человѣкомъ, который отговорилъ его отъ этого намѣренія и тѣмъ спасъ молодого Линнея. Это былъ мѣстный врачъ, Ротманъ, который, узнавъ объ исключительной наклонности и дарованіяхъ мальчика, предложилъ отцу взять его сына къ себѣ и лично надзирать за его ученьемъ дома, а въ гимназію чтобъ онъ ходилъ только на уроки. Отецъ согласился, и у Ротмана занятія «неуспѣвающаго» пошли прекрасно. Къ удивленію гимназическихъ учителей, Линней вскорѣ сталъ обнаруживать не только познанія въ латинскомъ языкѣ, но даже любовь къ этому языку. Секретъ былъ въ томъ, что докторъ не сталъ держать Линнея надъ грамматикой и, вмѣсто Корнелія Непота и Цицерона, далъ ему Плинія, въ сочиненіяхъ котораго заключается цѣлая энциклопедія естествознанія древняго міра. Молодой натуралистъ принялся съ жаромъ за изученіе, и скоро скучная и трудная латынь стала ему легкой и пріятной *).

Вотъ въ краткихъ словахъ описаніе дѣтства и юности Линнея. Благодаря счастливымъ условіямъ ранняго дѣтства, которыя не только пробудили индивидуальныя влеченія въ Линнеѣ, но даже и развили ихъ, потому что они приняли уже устойчивый характеръ, перешли въ склонность; благодаря доброму содѣйствію врача Ротмана, который былъ поистинѣ свѣтлымъ лучомъ въ жизни Линнея, индивидуальной наклонности юнаго натуралиста дана была возможность развиваться и совершенствоваться; благодаря всему этому и, конечно, недюжиннымъ способностямъ, Линней вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ.

Много общихъ чертъ съ жизнью Линнея мы находимъ и въ біографіи Дарвина. Любовь къ природѣ обнаружилась у него тоже очень рано, лѣтъ съ восьми. Сначала выразилась она въ видѣ коллекторской и охотничьей страсти. Онъ собиралъ растенія, минералы, раковины, насѣкомыхъ; рано пристрастился къ рыбной ловлѣ, но

*) «Карлъ Линней». Біографич. оч. В. Фаусека.

особенно полюбилъ охоту. Онъ собиралъ также птичьи гнѣзда, яйца; наблюдалъ за жизнью и нравами птицъ и въ своемъ увлеченіи удивлялся, почему всѣ взрослые люди не сдѣлаются орнитологами.

Конечно, эти занятія казались роднымъ и знакомымъ Дарвина простымъ шелопайствомъ. Но никакія порицанія, никакіе упреки не могли заглушить въ немъ страстнаго, любовнаго отношенія къ природѣ. Въ школѣ занятія шли у молодого Дарвина такъ-же плохо, какъ и у Линнея. «Ничто не могло быть вреднѣе для моего духовнаго развитія,—говоритъ Дарвинъ въ своей автобіографіи, — чѣмъ школа Бётлера, потому что преподаваніе въ ней имѣло характеръ исключительно классическій». Главнымъ образомъ въ школѣ налегали на языки, — Дарвинъ никогда не могъ хорошо владѣть ни однимъ языкомъ. Большое значеніе придавалось писанію стиховъ,— Дарвинъ не имѣлъ ни капли стихотворнаго таланта и впослѣдствіи совсѣмъ даже не выносилъ поэзіи. Вообще въ школѣ преподавалось именно то, къ чему онъ былъ не способенъ, и не было того, что могло его заинтересовать. Вслѣдствіе этого ученье шло довольно туго. Ненависть къ классическому образованію и недовѣріе къ школамъ вообще—вотъ, кажется, все, чтó вынесъ Дарвинъ изъ гимназіи Бётлера, въ которой пробылъ семь лѣтъ. «Никто не ненавидитъ болѣе меня стараго стереотипнаго безсмысленнаго классическаго образованія», говорилъ онъ впослѣдствіи.

Но параллельно съ этой безполезной муштровкой шло обученіе въ другой, болѣе обширной школѣ—въ поляхъ, лугахъ, лѣсахъ, гдѣ онъ пропадалъ всѣ каникулы, все свободное отъ занятій время.

Когда Чарльзу Дарвину было пятнадцать лѣтъ, отецъ его, убѣдившись, что изъ школьныхъ занятій сына не выйдетъ особеннаго прока, взялъ его изъ гимназіи и отправилъ въ Эдинбургскій университетъ подготовляться къ медицинской карьерѣ.

«Вскорѣ однако, — говоритъ Дарвинъ, — я убѣдился, что отецъ оставилъ мнѣ достаточное для жизни состояніе: этого убѣжденія было довольно, чтобы уничтожить всякое серьезное стремленіе изучить медицину». Два года Дарвинъ оставался въ Эдинбургѣ. Наконецъ, убѣдившись, что сынъ не имѣетъ никакой склонности къ медицинѣ, отецъ предложилъ ему избрать духовное поприще. Но и духовное званіе не привлекало Дарвина. Природная склонность *тянула* его къ естествознанію *).

Изъ приведенныхъ біографій — Линнея и Дарвина — видно, что школа не только не способствовала развитію индивидуальныхъ силъ своихъ воспитанниковъ, но вслѣдствіе непониманія, или, вѣрнѣе ска-

*) «Ч. Дарвинъ». Біографическій очеркъ М. А. Энгельгардта.

зать, вслѣдствіе нежеланія придавать индивидуальнымъ наклонностямъ значенія, она всячески ставила препятствія къ развитію естественныхъ стремленій своихъ воспитанниковъ. Школа не только не помогла избрать своимъ воспитанникамъ то жизненное призваніе, которое впослѣдствіи обезсмертило ихъ имена, но постоянно стремилась заглушить въ нихъ наклонности, «голосъ природы», и старалась направить ихъ силы совсѣмъ на другую дорогу.

Но что-же спасло юныхъ натуралистовъ? Какая сила не давала свернуть имъ съ дороги и направляла ихъ на прямой путь? Гдѣ тотъ источникъ энергіи, съ помощью которой они побороли всѣ препятствія?

Въ развитіи индивидуальности самый главный моментъ тотъ, когда группа предметовъ или явленій, къ которымъ тянетъ, влечетъ человѣка, или, точнѣе, тотъ моментъ, когда *районъ представленій, понятій, скованныхъ однимъ чувствомъ, займетъ въ душѣ человѣка центральное мѣсто*. Если этотъ моментъ человѣкъ еще не пережилъ, то, значитъ, индивидуальныя силы его еще не выяснились. Воспитаніе въ этотъ періодъ времени можетъ свободно распоряжаться человѣкомъ и направлять его во всѣ стороны. Но какъ только влеченія настолько опредѣлятся и окрѣпнутъ, что сосредоточатъ на себѣ всѣ силы, какъ только влеченія займутъ главное мѣсто и будутъ господствовать въ душѣ человѣка, индивидуальныя способности уже найдутъ себѣ выходъ и не остановятся въ своемъ развитіи. Обстоятельства жизни, воспитаніе могутъ, конечно, сильно затормозить это развитіе, но уничтожить природное влеченіе, когда оно уже концентрировалось, или-же заглушить его совсѣмъ уже никакія силы не въ состояніи.

Дѣтство Линнея и Дарвина протекло среди богатой сельской природы. Отцы ихъ были большіе любители природы и въ началѣ сами поощряли занятія своихъ дѣтей. Любовь къ природѣ, унаслѣдованная дѣтьми отъ своихъ родителей, не замедлила пробудиться и въ юныхъ питомцахъ въ формѣ индивидуальныхъ влеченій; при благопріятныхъ обстоятельствахъ и при недюжинныхъ дарованіяхъ, природныя влеченія быстро развивались и перешли въ наклонность. Поступая въ школу, юные натуралисты уже носили въ себѣ страстное влеченіе къ природѣ, что и дало имъ возможность выйти побѣдителями изъ всѣхъ обстоятельствъ. Конечно, оказанная Ротманомъ молодому Линнею помощь имѣла большое значеніе въ развитіи его, какъ и матеріальная обезпеченность Дарвина, который могъ всецѣло отдаться своимъ наклонностямъ; но главная-то сила все-таки не въ этихъ обстоятельствахъ, — эти обстоятельства только ускорили развитіе наклонностей, *главная сила—въ тѣхъ условіяхъ*,

которыя пробудили индивидуальныя влеченія и дали имъ возможность окрѣпнуть, объединиться. Эти благопріятныя условія для пробужденія и развитія индивидуальныхъ силъ у Рафаэля, какъ мы видѣли, сопутствовали ему съ колыбели и до полнаго разцвѣта силъ, у Линнея и Дарвина только въ періодъ дѣтства. Но и въ этотъ короткій періодъ вліяніе ихъ было такъ велико, что влеченія приняли совершенно-опредѣленную форму и дали направленіе всей послѣдующей жизни.

Все слышанное и видѣнное въ дѣтствѣ, что гармонируетъ съ индивидуальными влеченіями, кладетъ на насъ неизгладимую печать. Визгъ пилы, шумъ и звонъ молота замѣняли Микель-Анджело колыбельныя пѣсни. Его руки, играя камнями и пробуя молотъ, рано окрѣпли. «Великій художникъ говорилъ впослѣдствіи, смѣясь, что любовь къ своему «ремеслу» онъ всосалъ съ молокомъ кормилицы.

«Не даромъ съ молокомъ кормилицы всосалъ ты
Рѣзецъ и молотокъ; не даромъ отъ отца,
Отъ почестей, тебѣ обѣщанныхъ, бѣжалъ ты,
Манимый призракомъ волшебнаго рѣзца.
Отмѣченный Творцомъ и думами обиленъ,
Нося ужъ ихъ слѣды на дѣвственномъ челѣ,
Не даромъ съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ молотъ, былъ ты силенъ,
И твердостью своей подобенъ былъ скалѣ» *).

«Въ самомъ дѣлѣ, приблизилось время, когда въ ребенкѣ сталъ сказываться будущій человѣкъ и геній. Наступила пора ученья. Какой-то непонятный инстинктъ у отцовъ, говоритъ А. Дюма̀, какая-то страсть—толкать дѣтей на тѣ дороги, которыя имъ наиболѣе ненавистны.—«Батюшка пламенно желалъ сдѣлать изъ меня превосходнаго флейтиста», говоритъ Бенвенуто Челлини, современникъ Микель-Анджело, родившійся также скульпторомъ. Отецъ беретъ его изъ мастерской Бандинелли, гдѣ онъ дѣлалъ большіе успѣхи, и «снова, къ величайшей своей горести, онъ принужденъ былъ приняться за флейту и не оставлять ее до 15 лѣтъ». «Я сдѣлалъ большіе успѣхи въ проклятой игрѣ на флейтѣ», пишетъ онъ пріятелю. Флейта становится какимъ-то ужаснымъ призракомъ въ его жизни. Годъ, который онъ прожилъ безъ нея въ Пизѣ, «показался ему раемъ». Даже во снѣ онъ видитъ отца, приказывающаго ему принять мѣсто флейтиста при папскомъ дворѣ. И Микель-Анджело пришлось выдержать также трудную борьбу съ отцовской волей» **). Побѣда осталась за сыномъ: пробудившіяся индивидуальныя влеченія, по мѣткому его выраженію, вмѣстѣ съ молокомъ кормилицы, пустили уже такіе глубокіе корни въ раннемъ дѣтствѣ, такъ окрѣпли, что борьба съ ними была напрасна.

---

*) «Микель-Анджело». Поэма Арбузова.

**) «Микель-Анджело». Біограф. оч. С. М. Бриллíанта.

Прослѣдимъ еще развитіе индивидуальныхъ силъ на примѣрахъ, болѣе близкихъ намъ по времени.

Художника-мыслителя Крамскаго, подарившаго русскому искусству «Христа въ пустынѣ» и «Неутѣшное горе», уже въ ранніе дѣтскіе годы поражали переливы свѣта на деревьяхъ, игра солнечныхъ лучей на поверхности замерзшихъ лужицъ, длинныя тѣни, ложившіяся на дорогу отъ тонкихъ стволовъ березъ, легкая рябь, пробѣгавшая по поверхности его любимой рѣчки отъ внезапно подувшаго вѣтерка... Когда возникла у него любовь къ живописи, Крамской въ точности не помнитъ, но уже семи лѣтъ онъ рисовалъ все, что ему попадалось, и изъ глины, которую бралъ у себя въ погребѣ, лѣпилъ казаковъ на подобіе тѣхъ, которыхъ видѣлъ скачущими во весь опоръ по улицѣ. Съ семи лѣтъ индивидуальныя влеченія уже господствовали въ душѣ ребенка и были руководящимъ началомъ всей его жизни. Родители Крамского были очень бѣдны. Образованіе онъ получилъ очень скудное,—онъ окончилъ курсъ въ Острогожскомъ (Воронежской губ.) уѣздномъ училищѣ. Всю молодость ему пришлось бороться съ нуждою. Со смертью отца, матеріальное положеніе семьи стало еще хуже, и четырнадцатилѣтнему мальчику пришлось поступить на службу въ качествѣ писца, чтобы зарабатывать «насущный хлѣбъ». Усердно исполняя свои служебныя обязанности, переписывая, а иногда и сочиняя бумаги и рапорты, Крамской все свободное время проводилъ за рисованіемъ. Много тяжелаго пришлось пережить ему на своемъ пути, пока достигъ онъ, наконецъ, академіи художествъ. Но всевозможныя невзгоды переносилъ онъ терпѣливо и черпалъ для себя всегда новыя силы въ неизсякаемомъ источникѣ любви своей къ природѣ и живописи. «Какъ часто дѣлаюсь я задумчивымъ, взглянувъ нѣсколько разъ на какой-нибудь ландшафтъ,— пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—я преимущественно люблю ландшафты, а въ особенности, если они представляютъ ночь, вечеръ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. О, какъ я люблю живопись! Милая живопись! Я умру, если не постигну тебя хоть столько, сколько доступно моимъ способностямъ». Далѣе онъ говоритъ, что слово живопись есть для него «электрическая искра», что «при его произнесеніи онъ весь превращается въ какое-то внутреннее трясеніе» *).

Изъ этого признанія Крамского видно, что жизнь внѣ его «милой живописи» теряла для него свой главный смыслъ. Не смотря на то, что жизнь всячески его тѣснила, индивидуальныя силы пробили себѣ дорогу, потому что онѣ очень рано въ немъ пробудились и окрѣпли, когда еще ничего не мѣшало ихъ развитію. Затѣмъ

*) «И. Н. Крамской». Біограф. оч. А. Цомакіонъ.

страсть «къ милой живописи» сближала его съ людьми, отъ которыхъ онъ могъ кое-чему научиться, съ художниками. Въ особенности много помогъ Крамскому страстный любитель живописи М. Б. Тулиновъ, рисовавшій акварелью и занимавшійся фотографіей. Индивидуальныя влеченія всюду искали для себя пищи, и онъ находилъ ее въ природѣ, въ жизни, въ книгахъ.

Главный моментъ въ развитіи индивидуальности совершился въ Крамскомъ незамѣтно, постепенно. Насколько помнилъ онъ себя, его всегда тянули къ себѣ эстетическія представленія, краски, форма предметовъ, красота въ широкомъ значеніи этого слова. Эти представленія всегда занимали главное мѣсто въ его душевномъ мірѣ и сосредоточивали на себѣ всѣ силы его души. Также постепенно, незамѣтно сосредоточеніе индивидуальныхъ силъ совершилось, какъ мы видѣли, и у Рафаэля, Микель-Анджело, Линнея и Дарвина. Если индивидуальныя влеченія сразу попадаютъ на свою дорогу и если ничто имъ не мѣшаетъ въ развитіи, а тѣмъ болѣе, если обстоятельства содѣйствуютъ развитію, то влеченія постепенно, а иногда очень быстро, какъ-бы внезапно, переходятъ въ наклонности и овладѣваютъ душевнымъ міромъ человѣка. «Наши влеченія, это, такъ сказать, есть наша центральная, начальная энергія, прорывающаяся горячими струями сквозь поверхностную кору пріобрѣтенныхъ идей, подчиненныхъ чувствъ внѣшняго происхожденія. Это наша живая сила, выливающаяся въ соотвѣтственныхъ движеніяхъ мышцъ, выражающаяся привычными дѣйствіями: этимъ-то и объясняется двигательная сила влеченій» *). Съ усиліемъ воспріимчивости воли къ извѣстнаго рода мотивамъ, наши влеченія переходятъ уже въ склонность. Если-же мотивы, вызывающіе склонность, пріобрѣтаютъ надъ волею власть, овладѣваютъ душевнымъ міромъ человѣка, то склонность переходитъ въ страсть. Чѣмъ меньше имѣется въ душѣ человѣка контръ-мотивовъ, которые въ силахъ затормозить дѣйствія склонности и страсти, тѣмъ сильнѣе онѣ властвуютъ надъ нимъ. Этотъ переходъ изъ одного состоянія души въ другое совершается нерѣдко съ большимъ внутреннимъ волненіемъ и дѣлаетъ какъ-бы переломъ въ нравственномъ строѣ душевной жизни. Онъ совершается не только подъ вліяніемъ положительныхъ факторовъ, какъ это видно на приведенныхъ нами примѣрахъ, но и подъ вліяніемъ отрицательнаго характера вліяній.

Дѣтство Салтыкова (Щедрина) не изобилуетъ свѣтлыми впечатлѣніями и самъ онъ не любилъ вспоминать его, а когда вспоминалъ, то всегда съ большою горечью. «Припоминается безпрерывный дѣт-

*) «L'éducation de la volonté» Жюля Пэйо.

скій плачъ, неумолкаемые дѣтскіе стоны за классным столомъ, припоминается цѣлая свита гувернантокъ, слѣдовавшихъ одна за другой и съ непонятной для нынѣшняго времени жестокостью сыпавшихъ колотушками направо и налѣво... Всѣ онѣ безчеловѣчно дрались, а Марью Андреевну (дочь московскаго нѣмца сапожника) даже строгая наша мать называла фуріей. Во все время пребыванія ея уши у дѣтей постоянно бывали покрыты болячками». «Въ дѣтствѣ Салтыкова,— говоритъ біографъ его, С. Н. Кривенко,—были два обстоятельства, благопріятствовавшихъ его развитію и сохраненію въ немъ той искры Божіей, которая потомъ такъ ярко горѣла. Одно изъ этихъ обстоятельствъ, въ сущности отрицательнаго свойства,—то, что онъ росъ отдѣльно и что за нимъ нѣкоторое время было меньше надзора,— дало, однако, положительный результатъ: онъ больше думалъ, сосредоточивался мыслью на себѣ и окружающемъ и сталъ самостоятельно читать и заниматься, пріучаясь къ самостоятельности и самодѣятельности, къ тому, чтобы полагаться на себя и вѣрить въ свои силы. Читать было почти нечего, такъ какъ въ домѣ почти не было книгъ, а потому онъ читалъ оставшіяся отъ старшихъ братьевъ учебныя книги. Среди нихъ особенное впечатлѣніе произвело на него Евангеліе. Это-то вотъ и было вторымъ обстоятельствомъ, оказавшимъ на него самое рѣшительное вліяніе. Вспоминалъ онъ о немъ потомъ, какъ о животворномъ лучѣ, внезапно ворвавшемся въ его жизнь и освѣтившемъ и собственное его существованіе, и окружающій его мракъ крѣпостного права. Познакомился онъ съ Евангеліемъ не схоластически, а воспринялъ его непосредственно дѣтскою душою. Ему тогда было восемь-девять лѣтъ. «Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія,—говоритъ М. Е. Салтыковъ,—заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа *нѣчто устойчивое, свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я пріобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ, совершавшихся въ окружающей меня средѣ, началъ сознавать себя человѣкомъ. Я даже съ увѣренностью могу утверждать, что *моментъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на весь позднѣйшій складъ моего міросозерцанія*».

Какъ видно, переломъ въ развитіи Салтыкова совершился при помощи Евангелія. Оно сосредоточило на себѣ всѣ душевныя силы его и освѣтило ему окружающую жизнь; оно объединило всѣ его мысли, чувства и дало критерій для окружающаго его уклада жизни. Съ этого времени вопросы нравственной жизни стали для него главными вопросами, которыми онъ занимался въ теченіе всей своей жизни. Этотъ моментъ въ развитіи и есть *переходъ влеченій въ склон-*

ность. Съ этого момента человѣкъ идетъ впередъ въ своемъ развитіи уже болѣе увѣренно и силы его принимаютъ болѣе опредѣленное направленіе. Удовлетвореніе наклонности становится уже насущною потребностью.

Отецъ Паскаля, желая въ своемъ сынѣ видѣть будущаго каноника, всячески и упорно старался отвлекать его отъ занятій математикой, къ которой тотъ пристрастился съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Чтобы лишить его всякой возможности заниматься ею, запиралъ его въ пустую комнату, отбиралъ отъ него математическія книги и тетради, а между тѣмъ маленькій Паскаль вытаскивалъ изъ печки уголь и чертилъ имъ на голыхъ стѣнахъ свои любимыя фигуры.

Мы видѣли вліяніе отрицательныхъ факторовъ на развитіе Салтыкова; еще съ большею яркостью выступаютъ эти факторы въ развитіи Лермонтова. Смягчающее вліяніе на характеръ мальчика оказывала его болѣзнь. Самъ Лермонтовъ говоритъ о себѣ въ неоконченной повѣсти въ лицѣ Саши Арбенина: «Болѣзнь эта (корь съ осложненіями, длившаяся очень долго) имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ охватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіи мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури».

Мечтательность мальчика была еще болѣе развита нѣмецкими и русскими сказками и легендами, которыя ему разсказывала его нянюшка-нѣмка Христина Осиповна и дворовыя дѣвушки. «Мальчикъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно въ его дѣтскую кроватку»... «Когда я былъ малъ,— говоритъ Лермонтовъ въ своей записной тетради 1830 года (ему было тогда 15 лѣтъ),—я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя въ видѣ рыцарей съ шлемами, тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства» *).

*) «М. Ю. Лермонтовъ». Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго.

V.

Не мало интереса представляютъ во многихъ отношеніяхъ пробужденіе и развитіе индивидуальныхъ силъ у такихъ натуръ, у которыхъ чувство и фантазія преобладаютъ надъ другими сторонами душевной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи очень характерны біографіи Данте, Гейне и Лермонтова.

Наиболѣе выдающимся, первенствующимъ событіемъ молодости Данте была любовь его къ Беатриче. Впервые онъ увидѣлъ ее, когда оба они были еще дѣтьми: ему было 9, ей—8 лѣтъ. «Юный ангелъ», какъ выражается поэтъ, предсталъ предъ его глазами въ нарядѣ, приличествующемъ ея дѣтскому возрасту: Беатриче была одѣта въ «благородный» красный цвѣтъ, на ней былъ поясъ, и она, по словамъ Данте, стала сразу «владычицей его духа». «Она показалась мнѣ,—говоритъ поэтъ,—скорѣе дочерью Бога, нежели простого смертнаго». Съ той самой минуты, какъ я ее увидѣлъ, любовь овладѣла моимъ сердцемъ до такой степени, что я не имѣлъ силы противиться ей, и, дрожа отъ волненія, услышалъ тайный голосъ: «Вотъ божество, которое сильнѣе тебя и будетъ владѣть тобою».

Десять лѣтъ спустя, Беатриче является ему снова, на этотъ разъ вся въ бѣломъ. Она идетъ по улицѣ, въ сопровожденіи двухъ другихъ женщинъ, поднимаетъ на него взоръ свой и, благодаря «неизреченной своей милости», кланяется ему такъ скромно-прелестно, что ему кажется, что онъ узрѣлъ «высшую степень блаженства». Опьяненный восторгомъ, поэтъ бѣжитъ шума людского, уединяется въ своей комнатѣ, чтобы мечтать о возлюбленной, засыпаетъ и видитъ сонъ. Проснувшись, онъ излагаетъ его въ стихахъ. Это—аллегорія въ формѣ видѣнія: любовь, съ сердцемъ Данте въ рукахъ, несетъ въ то-же время въ объятіяхъ «уснувшую и укутанную вуалемъ даму». Амуръ будитъ ее, даетъ ей сердце Данте и потомъ убѣгаетъ, плача.

Этотъ сонетъ 18-ти-лѣтняго Данте доставилъ ему извѣстность. Въ первыхъ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, въ сонетахъ и канцонахъ, окружающихъ яркимъ сіяніемъ и поэтическимъ ореоломъ образъ Беатриче, Данте превосходитъ уже всѣхъ своихъ современниковъ силой поэтическаго дарованія, умѣньемъ владѣть языкомъ, а также искренностью, серьезностью и глубиной чувства. Самъ онъ считалъ «могучимъ рычагомъ» своей поэзіи правду и искренность своего чувства *).

Образъ Беатриче, какъ видно, былъ тѣмъ предметомъ въ индивидуальномъ развитіи Данте, при помощи котораго душевныя силы поэта объединились и приняли болѣе опредѣленное направленіе. Образъ

*) «Данте». Біографическій очеркъ М. В. Ватсонъ.

Беатриче сосредоточилъ на себѣ всѣ силы души поэта, и неопредѣленныя, безпредметныя влеченія Данте приняли яркую форму юнаго чувства любви, склонности. Какъ въ раннихъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ поэтическихъ произведеніяхъ Данте образъ Беатриче всегда былъ окруженъ яркимъ сіяніемъ.

Аналогичнымъ путемъ и также поэтично совершалось объединеніе индивидуальныхъ силъ и у Гейне. Первыя чувства любви зародились въ немъ, когда ему только что минуло одиннадцать лѣтъ. Однажды лѣтомъ, во время прогулки, подымаясь на холмъ, Гейне увидѣлъ «маленькую Веронику», которая была еще моложе его. Дѣвочка играла цвѣткомъ, который держала въ рукѣ: то была вѣтка резеды. Вдругъ она поднесла цвѣтокъ къ своимъ губамъ, потомъ подала его будущему поэту. И этого было совершенно достаточно, чтобы породить любовь въ юной душѣ. Встрѣча эта была первой и послѣдней. На другой-же день Гейне вернулся въ школу въ Дюссельдорфъ и въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не видалъ своей подруги, но онъ не переставалъ мечтать о ней.

Но вотъ наступили новыя каникулы, и юный Гейне поспѣшилъ къ своей дорогой Вероникѣ. Онъ нашелъ всю семью въ слезахъ. Вероника только что скончалась. Его ввели въ комнату, въ которой лежала покойница. Представленіе о смерти было до такой степени еще ему чуждо, что при видѣ своей бѣдной подруги неподвижною и блѣдною, онъ не почувствовалъ сначала ни горя, ни ужаса. Напротивъ того, она показалась ему въ своемъ гробѣ такой прелестной и обольстительной, какъ никогда. «Увидѣвъ этотъ маленькій гробъ, восковыя свѣчи и цвѣты, разложенные на столѣ, я,—говоритъ Гейне,—сперва подумалъ, что это прекрасное изображеніе изъ воска какой-либо святой, но скоро я узналъ это дорогое лицо и, смѣясь, спросилъ, почему маленькая Вероника такъ спокойна». Ему отвѣтили: «Это дѣлаетъ смерть». Гейне сохранилъ на всю жизнь воспоминаніе о маленькомъ созданьицѣ, впервые заставившемъ его сердце ощутить любовь.

Подобныя раннія проявленія любви нерѣдки у поэтовъ. Извѣстно, что Руссо, Альфіери, Новалисъ испытали чувство любви на десятомъ году. А Байронъ въ такомъ-же возрастѣ ощущалъ такую сильную страсть, что, по его словамъ, онъ едва-ли когда-либо потомъ испыталъ нѣчто подобное. Можно, пожалуй, не согласиться съ тѣмъ, чтобы называть это чувство любовью, но дѣло не въ имени. Въ анализѣ душевной жизни важно отмѣтить, что чувство, которое имѣло первенствующее значеніе въ молодости Данте и Гейне, сосредоточило около себя другія силы души. Молодыя силы поэтовъ были въ скрытомъ состояніи; Беатриче и Вероника чарующей своей красотой ихъ вызвали и сосредоточили вокругъ себя. Онѣ были для юныхъ поэ-

товъ тѣмъ-же живительнымъ солнечнымъ лучомъ, силою котораго бутонъ раскрывается въ цвѣтокъ. Беатриче и Вероника для юныхъ поэтовъ стали центрами въ области чувства и воображенія. Къ нимъ они стали относить все, что переживало сердце, что давали имъ творческія силы и, наоборотъ, отъ нихъ юные поэты исходили въ область чувства и фантазіи. Такимъ образомъ, Беатриче и Вероника стали основаніемъ концентраціи духовной дѣятельности для Данте и Гейне.

Если духовная жизнь человѣка пробудилась, если духовная дѣятельность находится въ возбужденномъ состояніи, то она стремится къ реализаціи, стремится найти предметъ, вокругъ котораго можно было-бы обосноваться. Прекрасной иллюстраціей этого положенія можетъ служить юное увлеченіе Лермонтова. Когда ему было 10 лѣтъ, бабушка, безпокоясь о его слабомъ здоровьѣ, повезла его на Кавказъ. Впечатлительный, мечтательный, нервный ребенокъ, съ чрезмѣрно развитымъ воображеніемъ былъ такъ сильно потрясенъ кавказскою природою, что потомъ на всю жизнь остались въ немъ глубоко врѣзанными эти первыя дѣтскія впечатлѣнія Кавказа, любимаго потомъ до гроба. Въ то-же время потрясенное красотами Кавказа отроческое сердце Лермонтова впервые забилось тогда недѣтскою страстью. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ эту свою первую, столь преждевременную страсть. «Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду? Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкою лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь. Съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!.. Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить о ней и убѣгалъ, слыша ея названіе, какъ-бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, не понятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда? и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая моему разсказу, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованію, это было-бы мнѣ больно!.. Бѣлокурые

волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность,—нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видѣлъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ этотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано! Съ 10 лѣтъ. Эта загадка, этотъ потерянный рай до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно,—и я готовъ смѣяться надъ этой страстью, но чаще—плакать. Говорятъ, что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить священныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки» *). Предвидѣнье,—говоритъ біографъ его,—что до могилы будетъ терзать умъ поэта эта дѣтская первая страсть, не было одною экзальтаціей. Дѣйствительно, образъ дѣвушки не оставлялъ поэта—и когда съ Кавказа онъ вернулся съ бабушкою домой, и пять лѣтъ спустя, какъ можно судить объ этомъ по только что приведенной выпискѣ изъ его записной тетради 1830 г. и, наконецъ, за полтора года до смерти, что можно видѣть по стихотворенію «Первое января 1840 г.».

VI.

Индивидуальныя влеченія далеко не всегда выливаются въ болѣе опредѣленную форму, т.-е. въ склонность, въ такіе ранніе годы, какъ мы видѣли на вышеприведенныхъ примѣрахъ. Причинъ тому много: онѣ могутъ корениться въ самой природѣ человѣка, въ его темпераментѣ и духовныхъ дарованіяхъ, но могутъ заключаться и во внѣшнихъ условіяхъ, задерживающихъ развитіе. Не находя благопріятныхъ условій для своего проявленія, индивидуальныя силы пребываютъ въ скрытомъ состояніи въ человѣкѣ, если, конечно, онѣ не совсѣмъ еще подавлены. Въ этомъ скрытомъ состояніи онѣ нерѣдко даютъ о себѣ знать и иногда очень сильно вліяютъ на наше самочувствіе. «Болѣе глубокіе и не сознанные слои нашей душевной жизни, вліяющіе на наше настроеніе, расположеніе духа и косвенно даже на нашу волю, состоятъ изъ невыношенныхъ, темныхъ чувствъ, которыя не вполнѣ нами сознаны и не согласованы съ нашею дѣятельностью, но которыя тѣмъ не менѣе вносятъ смуту въ умъ, хотя сами, такъ сказать, прозябаютъ. Досада, скука безъ видимой причины, отвращеніе къ жизни, сплинъ часто вызываются именно этими смутными и неудовлетворенными желаніями» **). Индивидуальныя силы бродятъ, мечутся въ человѣкѣ, ищутъ выхода. Съ жаромъ бросается онъ то на одинъ предметъ, то на другой, но внутренній голосъ говоритъ ему: «Нѣтъ, это не то, чего ты ищешь». Наступаютъ зрѣлые года,

*) «М. Ю. Лермонтовъ». Біограф. оч. А. М. Скабичевскаго.

**) «Психологія характера». Фр. Полана.

а скрытыя стремленія все еще не проявились. И вдругъ, какъ солнцемъ озаритъ, желанный предметъ нашелся, и индивидуальныя силы восторжествовали. Подобно тому, какъ одной искры достаточно бываетъ, чтобы воспламенить цѣлыя груды пороху, такъ нерѣдко бываетъ достаточно одного слова, даже одного движенія, чтобы воспламенить индивидуальныя силы въ человѣкѣ и дать имъ возможность проявиться. Человѣкъ нашелъ свою дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое духовное счастье. Онъ идетъ по ней, вѣрнѣе сказать, бѣжитъ, какъ-бы старается наверстать все пропущенное время. Въ силу сосредоточенности всѣхъ способностей на одномъ предметѣ, является необыкновенный подъемъ чувства, ума и энергіи. Ж. Ж. Руссо до 37 лѣтъ не могъ опредѣлить своихъ влеченій, и скрытыя индивидуальныя силы въ немъ постоянно тревожили, волновали его. Тема Дижонской академіи («Содѣйствовало-ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?») сразу собрала всѣ силы Руссо и направила его дѣятельность. Вотъ разсказъ Руссо о томъ, какъ зародилась у него мысль объ отвѣтѣ на вопросъ, предложенный Дижонской академіей. «Какъ-то я собирался навѣстить Дидро, который содержался тогда въ Венсенѣ. У меня былъ въ карманѣ «Mercure de France», который я по пути и началъ перелистывать. И вотъ я случайно нападаю на вопросъ, заданный Дижонской академіей и послужившій поводомъ къ моему первому разсужденію. Если когда-нибудь человѣка постигало нѣчто, похожее на внезапное вдохновеніе, то это было то движеніе, которое я ощутилъ при чтеніи этого вопроса. Мгновенно мой умъ ослѣпили потоки свѣта, цѣлая вереница яркихъ мыслей обступила меня съ такой силой и въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ, что меня охватило невыразимое смятеніе. Я почувствовалъ, что голова у меня кружилась какъ будто отъ опьяненія. Сильное біеніе сердца спирало мнѣ дыханіе и подымало грудь. Я задыхался, ноги мои подкашивались, и я въ изнеможеніи прилегъ подъ одно изъ деревьевъ аллеи. Тутъ я провелъ около получаса въ такомъ страшномъ волненіи, что, вставъ, я увидалъ, что весь передъ моего жилета орошенъ пролитыми слезами, которыхъ до того времени я и не замѣчалъ. Если-бы я съумѣлъ изложить на бумагѣ четвертую долю того, что я пережилъ и перечувствовалъ подъ этимъ деревомъ, съ какою-бы яркостью выставилъ я всѣ противорѣчія общественнаго строя, съ какой-бы силою начертилъ всѣ злоупотребленія нашихъ учрежденій, съ какой-бы простотой доказалъ, что человѣкъ по природѣ добръ, и что только учрежденія сдѣлали его злымъ. Все, что я могъ запомнить изъ этой толпы великихъ истинъ, которыя въ какую-нибудь четверть часа освѣтили мой умъ, было впослѣдствіи лишь въ слабыхъ отпечаткахъ разбросано въ первомъ

разсужденіи, въ трактатѣ «о неравенствѣ» и въ «Эмилѣ», т.-е. въ тѣхъ трехъ произведеніяхъ, которыя неразрывно связаны между собою и составляютъ одно цѣлое» *).

Бурно и страстно пробудились индивидуальныя влеченія также и у нашего народнаго поэта А. В. Кольцова. Будучи уже 17 лѣтъ, Кольцовъ покупаетъ на толкучкѣ стихотворенія Дмитріева. Эта книжка дѣлаетъ цѣлый переворотъ въ душевномъ строѣ Кольцова. «Для юноши, никогда еще не читавшаго стиховъ, но знавшаго много пѣсенъ и пѣвшаго ихъ, такая покупка была цѣлымъ откровеніемъ: она какъ-бы отвѣчала на запросы души, жаждавшей «сладкихъ звуковъ и молитвъ». Кольцовъ бросился съ своимъ сокровищемъ въ садъ и сталъ не читать Дмитріева, а... пѣть! Подмѣтивъ сходство стиховъ съ пѣснями, онъ полагалъ, что стихи, какъ и знакомыя ему пѣсни, нужно пѣть; и отъ этой привычки не могъ освободиться даже послѣ, читая всегда сильно на-распѣвъ. Кольцову очень понравились гармонія стиха и созвучія риѳмъ. Эта случайная покупка па толкучкѣ книги Дмитріева рѣшила участь Кольцова: въ немъ пробудилось такое страстное желаніе писать стихи, что оно превозмогло всѣ препятствія... Пьесы Дмитріева юноша заучивалъ наизусть, въ особенности ему понравился «Ермакъ». Вскорѣ представился Кольцову и матеріалъ для того, чтобы излиться самому въ риѳмованныхъ звукахъ. Но это, при незнаніи того, что такое стихъ и какое его отличіе отъ прозы, представляло адски-головоломную, каторжную работу, и только поэтическимъ врожденнымъ талантомъ, инстинктивнымъ стремленіемъ къ подобной дѣятельности можно объяснить то упорство, съ которымъ поэтъ стряпалъ, обливаясь потомъ, свои первыя вирши» **).

При позднемъ пробужденіи индивидуальныхъ силъ обыкновенно является такое страстное увлеченіе дѣломъ, что бываютъ случаи, когда человѣкъ дѣлается жертвою своего увлеченія. Яркимъ и печальнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить нашъ извѣстный художникъ Ѳедотовъ, подарившій русскому искусству не мало хорошихъ картинъ, въ числѣ которыхъ особенно выдѣляется своими достоинствами «Сватовство майора». Еще когда онъ былъ кадетомъ, Ѳедотова постоянно тянуло къ себѣ искусство, и его очень часто можно было видѣть съ карандашомъ въ рукѣ и съ бумагою, рисующаго какой-нибудь пейзажъ или-же портретъ товарища. Но онъ все не довѣрялъ своему влеченію, боролся съ нимъ и шелъ по той дорогѣ, которую опредѣлили его родители, отдавъ его въ военное

*) Письмо къ Малербу отъ 12 января 1763 г.

**) «А. В. Кольцовъ». Біогр. очеркъ В. В. Огаркова.

учебное заведеніе. Но, уже будучи офицеромъ, на третьемъ десяткѣ своей жизни, не въ силахъ былъ противустоять своимъ естественнымъ наклонностямъ: бросилъ военную службу, поступилъ въ академію художествъ и со страстью предался любимому своему искусству. Работалъ онъ, не зная отдыха, до изнеможенія силъ, и палъ жертвою своей страсти. Послѣдніе годы своей жизни онъ доживалъ уже въ больницѣ душевнобольныхъ.

VII.

Несмотря на разнообразіе духовныхъ силъ, характеровъ выдающихся личностей, а также на разныя условія, среди которыхъ приходилось имъ жить и дѣйствовать, въ развитіи ихъ, въ самыхъ пріемахъ, которыми они пользовались, очень много общаго. Отмѣтимъ тѣ изъ нихъ, которые всего болѣе, по нашему мнѣнію, имѣютъ значеніе въ педагогическомъ отношеніи.

При проявленіи и развитіи индивидуальныхъ силъ не малую роль играла книга. На Салтыкова, какъ мы видѣли, Евангеліе произвело такое впечатлѣніе, что оно духовно переродило его. Есть основаніе думать, что въ развитіи Байрона имѣла такое-же значеніе Библія. Когда поэту было уже 33 года, онъ писалъ изъ Италіи своему издателю Муррею, между прочимъ, слѣдующее: «Не забудьте прислать мнѣ Библію; я большой почитатель этой книги и *прочелъ ее нѣсколько разъ отъ начала до конца, когда мнѣ было еще 8 лѣтъ*» *).

Изъ числа книгъ, переплетаемыхъ Фарадеемъ (по окончаніи элементарной школы Фарадей поступилъ въ переплетную мастерскую), особенно сильное впечатлѣніе произвели на него, когда ему было лѣтъ 13—14, популярные «Разговоры о химіи» госпожи Марсэ и «Encyclopedia Britanica», въ особенности тѣ статьи послѣдней, въ которыхъ говорилось объ электричествѣ. Это раннее впечатлѣніе сохранилось на всю жизнь, и химія и область электрическихъ явленій остались навсегда преимущественнымъ предметомъ занятій Фарадея. Книжка г-жи Марсэ была, въ сущности, довольно безцвѣтная; но Фарадей навсегда сохранилъ къ ней особенное уваженіе, какъ къ первому источнику, изъ котораго онъ знакомился съ химическими явленіями, а къ автору этой книжки онъ питалъ почти благоговѣйное чувство **).

Въ развитіи Кольцова не малую роль играла книга, какъ мы видѣли, «Стихотворенія» Дмитріева. Въ развитіи Ломоносова—Псалтирь. Но сила вліянія книги на развитіе заключалась не только въ содер-

---

*) «Біографія лорда Байрона» Н. Н. Александрова.
**) «М. Фарадей». Біограф. оч. Я. В. Абрамова.

жаніи ея, а главнымъ образомъ въ томъ способѣ пользованія ею, въ самомъ процессѣ чтенія. Біографіи многихъ выдающихся ученыхъ и писателей показываютъ, что учились они сначала изъ немногихъ книгъ, что и правдоподобно, такъ какъ они, большею частью, были люди бѣдные, или выходили изъ невѣжественной толпы, гдѣ книгъ не водится; но за-то эти немногія книги, даже иногда одна книга, были очень дороги и близки сердцу ихъ владѣльца. Читая книгу и вдумываясь въ нее, они почерпнутое изъ нея вносили въ жизнь, анализировали подмѣченное и снова возвращались къ своей книгѣ; но всякое новое возвращеніе заставляло ихъ еще болѣе вчитываться въ нее, чтобы добыть что-либо новое и это новое снова подвергать сравненію и анализу. «Такъ и у нашего Ломоносова, пока онъ находился въ деревнѣ, были только двѣ книги: Псалтырь и ариѳметика Леонтія Магницкаго, которыя онъ могъ достать въ своихъ бѣдныхъ Холмогорахъ и съ которыми потомъ не разставался; даже не смотря на тяжеловѣсность ихъ, помѣстилъ въ свой мѣшокъ вмѣстѣ съ краюхою хлѣба и гривною денегъ, когда задумалъ совершить свой съумасшедшій побѣгъ изъ-подъ родной кровли въ Москву. Вчитываясь дома въ эти единственныя для него книги и отъ нихъ переходя къ чтенію своей однообразной, мертвенной, но все-таки величественной природы, а потомъ отъ природы опять переходя къ книгамъ, онъ многому уже научился прежде поступленія своего въ Заиконоспасскую школу. Это видно изъ того, что этотъ «олухъ», какъ обзывали его семинаристы, который въ двадцать лѣтъ пришелъ латыни учиться, по собственнымъ его словамъ, быстро перегналъ всѣхъ этихъ семинарскихъ сидней» *).

Итакъ, суть дѣла не въ многокнижіи, а въ умѣньѣ пользоваться книгою. Эту-то возможность научиться многому изъ немногаго и высказалъ Жакото (къ сожалѣнію, Жакото не умѣлъ только развить свою мысь, такъ какъ вообще теоретикъ онъ былъ плохой, будучи практикомъ-виртуозомъ) въ своемъ основномъ правилѣ дидактики: «*выучи что-нибудь* (конечно, основательно, посредствомъ анализа, начавъ съ фактовъ) *и все остальное относи къ выученному*; *выучи какую-нибудь книгу и относи все остальное къ ней*». При такомъ ходѣ развитія, умъ пріучается къ концентраціи и проницательности въ сужденіяхъ, и память прочно все пріобрѣтенное сохраняетъ, силою тѣхъ ассоціацій, силою той связи, которою проникнуто все духовное богатство.

Прослѣдимъ теперь первые шаги въ развитіи творчества у выдающихся лицъ, насколько сказались они въ біографіяхъ ихъ, и от-

*) Брошюра о народномъ образованіи, П. С. Гурьева.

мѣтимъ общія черты въ этомъ развитіи. Любимымъ развлеченіемъ матери Гёте было разсказывать маленькому своему сыну Вольфгавгу сказки, которыя она сама сочиняла, при этомъ она нерѣдко останавливала разсказъ, обѣщая докончить его на слѣдующій день, чѣмъ еще болѣе разжигала интересъ ребенка, который носился съ предположеніями относительно дальнѣйшихъ событій въ сказкѣ. «Свои мысли,—пишетъ мать Вольфганга,—онъ повѣрялъ бабушкѣ, а та передавала мнѣ, и я примѣняла продолженіе разсказа къ его мыслямъ». Такимъ путемъ она своимъ материнскимъ инстиктомъ развила въ сынѣ фантазію и поэтическія наклонности. Вскорѣ въ юномъ Гёте явилось желаніе попробовать свои силы въ области творчества. Онъ сталъ подражать своей матери; по примѣру ея, сочинялъ сказки и разсказывалъ ихъ своимъ сверстникамъ. Изъ такихъ сказокъ сохранилась одна, подъ названіемъ «Новый Парисъ», гдѣ подъ именемъ Париса фигурируетъ самъ Вольфгангъ *).

Первые опыты въ стихотворствѣ появились у Пушкина очень рано. Началось дѣло, по обыкновенію, съ подражаній. «Любимымъ упражненіемъ Пушкина,—по словамъ сестры его,—сначала было импровизировать маленькія комедіи и самому разыгрывать ихъ передъ сестрою, которая въ этомъ случаѣ составляла публику и произносила свой судъ». Однажды какъ-то она освистала его пьеску «Escamoteur». Онъ не обидѣлся и самъ на себя написалъ слѣдующую эпиграмму:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur,
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas—c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

т.-е. «Скажи, за что партеръ освисталъ моего «Похитителя»? Увы! за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера».

Ознакомившись съ Лафонтенемъ, Пушкинъ сталъ писать басни. Начитавшись Генріады, онъ задумалъ шуточную поэму въ басняхъ, содержаніе которой заключалось въ войнѣ между карлами и карлицами во времена Дагобера.

Большинство первыхъ стихотворныхъ опытовъ Пушкина было написано имъ на французскомъ языкѣ.

Первыя проявленія творчества Лермонтова были то-же подражательныя. Оставшіяся послѣ него записныя тетради, которымъ г. Висковатовъ совершенно справедливо придаетъ важное біографическое значеніе, показываютъ намъ, съ какою органическою постепенностью развивался поэтическій талантъ Лермонтова, и какъ даже въ своихъ первоначальныхъ, дѣтскихъ подражаніяхъ онъ являлся

*) «Вольфгангъ Гёте». Біогр. очеркъ Н. А. Холодковскаго.

уже вѣрнымъ характеру будущей своей поэзіи, и если бралъ чужое, то лишь то, что соотвѣтствовало этому характеру, было ему сродно. Такъ, первоначально онъ ограничивался лишь тѣмъ, что переписывалъ такія произведенія любимыхъ авторовъ, какія ему наиболѣе нравились. Такими любимыми авторами, впервые пробудившими въ мальчикѣ его поэтическій геній, конечно, уже были Жуковскій и Пушкинъ. Но изъ Пушкина онъ переписалъ не что другое, какъ «Бахчисарайскій фонтанъ», изъ Жуковскаго—«Шильонскій узникъ». Послѣднее произведеніе представляется переводомъ поэмы Байрона; первое написано въ байроновскомъ стилѣ. Затѣмъ, поэма Пушкина «Кавказскій плѣнникъ», пробудившая въ мальчикѣ личныя воспоминанія о Кавказѣ, и тѣмъ болѣе очаровавшая его, побудила его уже не къ одной перепискѣ, а къ подражаніямъ. Первымъ такимъ подражаніемъ является поэма «Черкесы», которую Лермонтовъ писалъ въ 1828 г., когда ему не было еще и 14 лѣтъ. Здѣсь встрѣчаются цѣлые стихи, взятые цѣликомъ изъ поэмы Пушкина. Вторымъ подражаніемъ поэмѣ Пушкина является «Кавказскій плѣнникъ», написанный имъ тоже въ 1828 г. «Шильонскій узникъ», въ свою очередь, не остался безъ подражанія, и къ тому-же 1828 году относится поэма Лермонтова «Корсаръ», начинающаяся почти тѣми-же словами:

«Друзья, взгляните на меня,
Я блѣденъ, худъ, потухла радость!»

Отъ Жуковскаго былъ одинъ шагъ до Шиллера, съ которымъ Лермонтову тѣмъ легче было познакомиться въ подлинникѣ, что онъ зналъ нѣмецкій языкъ. И здѣсь онъ началъ переводами («Къ Нинѣ», «Встрѣча», «Перчатка», сцены трехъ вѣдьмъ изъ передѣлки Шиллера шекспировскаго «Макбета» и пр.), а затѣмъ онъ увлекся драмами Шиллера, особенно «Разбойниками» и «Коварствомъ и любовью» *).

Во всѣхъ родахъ творчества—въ литературѣ, въ живописи, скульптурѣ, музыкѣ, первые шаги творцовъ начинаются съ подражанія. Замѣчено, что даже самыя оригинальныя личности, говоритъ профессоръ Жоли въ своемъ трудѣ «Психологія великихъ людей», даже люди, наиболѣе склонные къ изобрѣтательности, начинаютъ всегда съ подражанія какому-либо образцу, возбудившему ихъ восторги. Фетисъ, авторъ «Biographies des musiciens et artistes», подмѣтившій этотъ фактъ даже у самыхъ великихъ музыкантовъ, даетъ ему очень остроумное и основательное объясненіе.

«Когда оригинальность идей, — говоритъ онъ, — сопровождается разсудительностью и искренностью, то она всегда ощущаетъ потреб-

*) «М. Ю. Лермонтовъ». Біогр. оч. Скабичевскаго.

ность выразиться въ понятныхъ формахъ. Но искусство создавать новыя и удобопонятныя формы можетъ явиться только плодомъ опыта, тогда какъ усмотрѣніе идеи есть дѣло простого инстинкта. Однако, такія инстинктивныя постиженія никогда не могутъ привести къ созданію замѣчательнаго, долговѣчнаго произведенія, если имъ не придетъ на помощь форма, которая, въ свою очередь, можетъ явиться только разультатомъ опытности. И вотъ, пока собственная опытность еще не пріобрѣтена, начинающему генію приходится прибѣгать къ опытности какого-либо стараго мастера, что и сдѣлалъ Моцартъ, взявъ себѣ за образецъ въ своихъ первыхъ композиціяхъ для фортепіано Эммануила Баха, а для своей драматической музыки — извѣстнаго Гассе; то-же сдѣлалъ, въ свою очередь, и Бетховенъ, шедшій въ началѣ по стопамъ Моцарта. Такимъ-же образомъ поступилъ Мейерберъ, дебютировавшій оперою «Il crocianto», написанной въ совершенно итальянскомъ стилѣ, а также Вагнеръ въ своемъ первомъ произведеніи—«Rienzi».

Тѣ-же замѣчанія, говоритъ Жоли, можно сдѣлать и относительно смѣнявшихъ одна другую манеръ разныхъ великихъ живописцевъ: почти всѣ они начинали съ того, что были послушными учениками своихъ учителей и освобождались изъ подъ ихъ вліянія лишь тогда, когда, овладѣвъ вполнѣ техническими пріемами, начинали чувствовать въ себѣ, благодаря этому обстоятельству, полную способность и силу выражать свои собственные идеалы.

VIII.

Подведемъ итоги нашимъ изслѣдованіямъ и сдѣлаемъ заключеніе.

Вслѣдствіе предрасположенія организма къ воспріятію извѣстныхъ впечатлѣній,—а предрасположеніе является или въ силу наслѣдственности, или-же въ силу лучшаго устройства какого-либо органа, какъ, напр., глаза, уха,—данное лицо имѣетъ тяготѣніе къ этимъ впечатлѣніямъ, такъ какъ въ нихъ оно находитъ выраженіе и развитіе своего внутренняго «я». Каждый человѣкъ, какихъ-бы способностей онъ ни былъ и при какихъ-бы условіяхъ онъ ни развивался, имѣетъ свой кругъ идей и чувствъ, которымъ болѣе симпатизируетъ, къ которымъ его влечетъ и которыя болѣе всего его характеризуютъ, выражаютъ его индивидуальность. Совокупность этихъ идей, чувствъ, желаній и составляетъ индивидуальность даннаго лица. Понятія *индивидуальность*, *личность* — синонимы; понятіе *характеръ* отличается отъ понятія *индивидуальность* только бо̀льшимъ объемомъ. Въ сущности-же эти три слова—индивидуальность, личность, характеръ — выражаютъ одно и то-же понятіе, разсматриваемое только съ раз-

личныхъ точекъ зрѣнія. Каждый человѣкъ въ большей или меньшей степени индивидуаленъ. Степень индивидуальности зависитъ не столько отъ количества идей и чувствъ, сколько отъ ихъ жизненной энергіи. Количество впечатлѣній обусловливается большею или меньшею воспріимчивостью индивидуума, его природными дарованіями: жизненная-же энергія впечатлѣній является главнымъ образомъ продуктомъ концентраціи ихъ. Многое человѣкъ можетъ воспринять, многому можетъ учиться и многое знать, отдѣльныя впечатлѣнія, идеи и чувства могутъ обладать большей или меньшей силой, но если воспринятыя впечатлѣнія разбросаны, не соединены общимъ чувствомъ, то жизненная энергія ихъ крайне ничтожна. Такое духовное богатство не приноситъ соотвѣтствующихъ процентовъ и обладатель его, несмотря на потраченныя силы, несмотря на имѣющіяся свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ знанія, чувствуетъ себя духовно-немощнымъ. Наоборотъ, даже съ небольшими средствами, съ малымъ, сравнительно, количествомъ впечатлѣній, но если всѣ они сконцентрированы, согрѣты, спаяны общимъ чувствомъ, то жизненная энергія ихъ бываетъ настолько велика, что обладателю этого маленькаго капитала въ большинствѣ случаевъ не страшны никакія препятствія для развитія своихъ индивидуальныхъ силъ, для проявленія своего «я», въ чемъ собственно и заключается смыслъ жизни и истинное счастье человѣка.

Съ пробужденіемъ индивидуальныхъ силъ въ человѣкѣ, духовный міръ его, можно сказать, раздваивается. Одну часть этого міра можно назвать личною, интимною, такъ какъ въ ней сгруппировываются индивидуальныя стремленія; другую—общественною, въ которой сосредоточиваются всѣ отношенія человѣка къ людямъ и вообще къ окружающей его жизни. Эти части—личная и общественная—постепенно обособляются и каждая изъ нихъ начинаетъ жить и развиваться отдѣльно и самостоятельно. Конечно, раздѣленіе этихъ частей далеко не одинаково у всѣхъ, какъ не одинаково и проявленіе индивидуальности, и вообще между этими психическими теченіями нельзя провести демаркаціонной линіи, тѣмъ болѣе, что они по временамъ соединяются и представляютъ одно теченіе. Но все-же они настолько отличны между собой и настолько отдѣльны, что, для удобства анализа, развитіе индивидуальныхъ силъ можно выдѣлить изъ общей душевной жизни и разсматривать отдѣльно, что мы и сдѣлали въ своемъ трудѣ.

Какъ мы уже сказали, въ первый періодъ своего развитія человѣкъ относится къ воспринятымъ впечатлѣніямъ совершенно пассивно; хотя выборъ впечатлѣній и ихъ окраска обусловливаются до нѣкоторой степени индивидуальностью, но вся эта духовная работа

совершается безсознательно и непроизвольно. Въ этотъ періодъ развитія человѣкъ только запасается матеріаломъ, не относясь къ нему критически. Болѣе или менѣе самостоятельное развитіе начинается только послѣ того, какъ опредѣлится направленіе влеченій, выяснится наклонность. Человѣкъ начинаетъ не довольствоваться тѣми сочетаніями, въ которыхъ онъ воспринялъ впечатлѣнія, не довольствоваться тѣми ассоціаціями представленій и идей, которыя образовались въ душѣ его безъ его участія. Онъ начинаетъ относиться критически, въ немъ пробуждается желаніе измѣнить нѣкоторыя сочетанія, передѣлать ихъ, переустроить на свой ладъ и, наконецъ, является желаніе создать изъ имѣющагося матеріала нѣчто свое—новое. Въ человѣкѣ пробуждается самосознаніе, внутреннее «я», пробуждается стремленіе къ самостоятельности въ области индивидуальной жизни. Чѣмъ богаче природа человѣка, чѣмъ больше воспринято впечатлѣній и чѣмъ эти впечатлѣнія сильнѣе спаяны основнымъ стремленіемъ, объединены и согрѣты общимъ чувствомъ, тѣмъ интензивнѣе проявляется «я» въ человѣкѣ, тѣмъ больше обнаруживается самодѣятельности въ немъ.

Въ чемъ-же выражается эта самодѣятельность въ духовной жизни? Въ воспріятіи впечатлѣній? Но факты, какъ факты, для человѣка не имѣютъ еще цѣнности; единственная выгода отъ обладанія ими заключается въ возможности дѣлать изъ нихъ выводы, восходить отъ нихъ къ законамъ, къ идеѣ, создавать силою разныхъ комбинацій изъ нихъ новые образы, картины. Значитъ, не факты важны, а ихъ взаимное отношеніе. Въ этомъ сочетаніи, въ группировкѣ фактовъ, въ сличеніи ихъ между собой и выражается главнымъ образомъ самостоятельная дѣятельность человѣка. Чѣмъ болѣе фактовъ человѣкъ можетъ объединить своимъ умомъ, чѣмъ выше поднимается отъ простыхъ формъ къ болѣе совершеннымъ, высшимъ формамъ мышленія, чѣмъ богаче проявляется его творческая сила, тѣмъ человѣкъ отъ обыкновеннаго смертнаго все болѣе и болѣе приближается къ геніямъ, къ безсмертнымъ. Великаго отъ не великаго отличаетъ только степень творчества.

Итакъ, человѣкъ по природѣ своей есть существо свободное и по преимуществу творческое, или, точнѣе сказать, болѣе или менѣе самостоятельно комбинирующее; даже въ заимствованія и подражанія онъ вноситъ свои личныя особенности, придающія имъ оригинальную окраску. Отсюда слѣдуетъ прямое указаніе для воспитанія: давать больше свободы, больше простора воспитаннику въ его умственномъ трудѣ и въ проявленіи его желаній.

Правильная постановка дѣла обезпечиваетъ успѣхъ его. Специа-

лизировать обученіе можно тогда, когда выяснятся индивидуальности воспитанниковъ, какъ для нихъ самихъ, такъ для родителей и школы, что̀ бываетъ обыкновенно, какъ мы видѣли, къ 13—14 годамъ. Пока воспитанникъ не въ состояніи отнестись сознательно къ своимъ влеченіямъ, наклонностямъ, сознательно отвѣтить, что его интересуетъ, къ чему онъ больше чувствуетъ себя способнымъ, до тѣхъ поръ курсъ обученія долженъ быть общеобразовательный. Другими словами, до четвертаго класса среднеучебнаго заведенія не должно быть дѣленія на реалистовъ, классиковъ, коммерсантовъ, техниковъ и т. п. (Исключеніе должны составить, конечно, тѣ дѣти, у которыхъ индивидуальность проявляется рано и въ совершенно опредѣленной формѣ, какъ, напр., у Моцарта). До четвертаго класса курсъ обученія долженъ быть общеобразовательный. И чѣмъ этотъ курсъ будетъ разнообразнѣе, богаче содержаніемъ, тѣмъ лучше выяснятся силы и наклонности каждаго воспитанника, тѣмъ сознательнѣе отнесется каждый къ выбору предметовъ, въ изученіи которыхъ найдетъ возможность проявить свою индивидуальность.

Старшіе классы—съ пятаго до восьмого—должны носить характеръ уже *спеціальный*, согласно выбору самихъ воспитанниковъ. Конечно, слово «спеціальный» не надо понимать въ тѣсномъ значеніи его, какъ понимается оно, напр., когда мы говоримъ «медицинскій курсъ», «горный», «лѣсной» и т. п. Подъ словомъ «спеціальный» въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ не болѣе, какъ группу предметовъ, для изученія которыхъ требуются по преимуществу тѣ или другія способности. Не надо забывать, что среднеучебное заведеніе служитъ только подготовкою для избранія той *дѣятельности*, въ которой *человѣкъ долженъ найти себѣ и цѣль*, *и средства для своей жизни*.

Исходя изъ того, что духовный процессъ великаго и малаго человѣка отличается между собой только масштабомъ дѣйствія, а не сущностью, мы и приходимъ къ заключенію, что въ способѣ обученія дѣтей, въ основѣ метода должна быть положена концентрація, которая, какъ мы видѣли, всегда такъ ярко сказывается въ духовной жизни выдающихся людей на всѣхъ поприщахъ знанія, искусства и практической дѣятельности. Безсвязность, многокнижіе, погоня за обиліемъ впечатлѣній—развиваютъ страшно разсѣянность, пріучаютъ умъ скользить по поверхности предметовъ, не углубляясь въ сущность дѣла, дѣлаютъ человѣка вяло-равнодушнымъ, ко всему индиферентнымъ.

«Пять уроковъ въ день, пять разнородныхъ предметовъ вниманія въ утреннюю половину дня, въ классное время, и столько-же предметовъ вниманія въ вечернюю половину дня, во время приготовленія уроковъ къ завтрему. Десять разнородныхъ интересовъ за день; де-

сять пережитыхъ впечатлѣній, между собою не связанныхъ и не связуемыхъ. Вотъ гдѣ не найденный, никому не приходившій на умъ корень опустошительнаго дѣйствія новой школы, не у насъ только, но и въ цѣлой Европѣ: ибо какими-же мелкими, тусклыми черточками ложатся эти впечатлѣнія на душу; какой нуженъ индиферентизмъ души, чтобы, равнодушно покидая одинъ предметъ, безстрастно переходить къ другому, но и на немъ, какъ на предыдущемъ, не держаться вниманіемъ болѣе, чѣмъ 55 минутъ (продолжительность урока)» *).

Возбудить интересъ къ предмету, возбудить самостоятельность въ ученикѣ, пробудить его индивидуальныя стремленія — вотъ главная задача семьи и школы: все остальное само собой придетъ.

Въ заключеніе скажемъ, что современная наша школа, да и не наша только, но и вообще вся европейская, нуждается въ серьезныхъ реформахъ. Задача ея сложная, трудная, но она сразу облегчится на половину, а можетъ быть, и больше, если будетъ удалено изъ школы главное зло,—это тотъ страхъ, посредствомъ котораго школа стремится достигнуть своихъ благихъ цѣлей. Это — рабское чувство, недостойное орудіе въ такомъ высокомъ дѣлѣ, какъ воспитаніе; оно унижаетъ школу, показываетъ ея безсиліе. Цѣль и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, не оправдываетъ средства. Доброе слово, добрый примѣръ — лучшіе воспитатели. Андерсенъ,—сердечный, чуткій, воспріимчивый къ каждому ласковому слову, къ каждому солнечному лучу, подарившій міру столько прекрасныхъ сказокъ,—этотъ Андерсенъ въ своей знаменитой автобіографіи такъ вспоминаетъ про свое житье-бытье въ гимназіи: «Эта жизнь вспоминается мнѣ теперь, какъ тягостный кошмаръ. Я опять вижу себя трясущимся, какъ въ лихорадкѣ, на школьной скамьѣ, отвѣты замираютъ у меня на губахъ, я вижу устремленные на себя сердитые глаза, слышу насмѣшки и глумленія... Да, тяжелое, горькое то было для меня время» **). Къ сожалѣнію, къ стыду нашему, немногимъ лучше является въ воспоминаніяхъ у большинства и современная школа.

Ѳ. Матвѣевъ.

---

*) «Педагогическія трафаретки». В. Розановъ. «Н. Вр.».

**) Переводъ съ датскаго языка А. и П. Ганзенъ.

Дозволено цензурою 6-го марта 1898 года. С.-Петербургъ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

